

ЗАВИСТЬ

Красота и содержательность слова — в народных думах и чаяниях. Слово растит и убивает нас. Слово — судьба. Не сохранишь слово — судьба скособоится:

Синий туман. Снеговое раздолье,

Тонкий лимонный лунный свет.

Сердцу приятно с тихой болью

Что-нибудь вспомнить из ранних лет.

Люблю стихи Есенина. В молодости — пел над ними. Седой — над ними плачу. Жизнь и Бог выслали Сергея Есенина на “линию русского рубежа”, вперед за много лет предчувствуя нашествие на русских интернациональной орды, окартавившей наш певучий язык, иссушившей нашу русскую статью и удаль.

Есенин — продолжение молитвы. Молитву запретили, церковь разрушили, и Есенин заговорил в русском народе совестью, врачевальным березовым шорохом, а иногда —

огненным громом русской необъятной дали. И язык наш — наша природа, родниковый миф! Сорим, травим, атомостанции в нем взрываем — никак не угробим до конца. Сильнее нашего разгильдяйства, пьянства, предательства — язык наш.

Мой хутор, горная Ивашла, трепетал, возбуждаемый орлиными криками и медвежьим рыком. Лоси, решительные и бородатые, как писатель Борис Можаяев, клали морды на подоконник и мычали, пока не попотчует их аккуратная молодуха ша-нежкой или вареной картофелиной. Волки по ночам выли и терроризировали нас, как демофашисты: зазевался — последнюю овечку зарежут, а тебя преследовать кинутся, хищники.

Петухи у завалинок, у ворот дрались насмерть. В июне соловьи звенели, кукушки ликовали. В июле и августе клубника, малина, смородина, вишня, черемуха, калина сыпались в пригоршни, кузова распирались, обдавая нас томительно-волнующим духом.

Отец по чириканию и писку угадывал любую пернатую кроху, любой цветок и травину знал. Мать по вечерам долго молилась. Отец к Богу сдержанно относился, но матери не мешал.

Мать читала мне, мальчишке, стихи Дрожжина, Сурикова, Кольцова, Никитина, Некрасова, Тютчева, Фета, даже — Есенина. Вырастая, я радостно обнаруживал эти стихи в книгах. Трудился я по-серьезному, — отец с войны приехал на костылях, дедушка стар, а братья мои погибли, — лет с шести — девяти трудился, а с десяти — в сорокаградусный мороз из тайги дрова на санях, запрягши лошадь, возил. Пахал огороды — подряд, лет с одиннадцати. Очередь хуторяне устанавливали: ровно пахал.

Отец замечательно пел. Гармонист. Лесник. Чуть оклемался — за ним, собака и я измеряли ногами тропы, горы и скалы. Отец — суровый. Вспыльчивый был и неуправляемый, если разозлить. Но злить его — долгое занятие. Прощал обиды, оскорбления, потасовки. Редко враждовал. Советскую власть не лобызал и не поносил украдкой, но в партию мне вступать не велел. С восьмью детьми и больным дедом и бабушкой, считай, двенадцать едоков — отца дважды раскулачивали.

Мой взгляд на революцию сейчас яснее: Революцию зажгло народное недовольство, а прибрали Революцию интернациональные пророки: их внуки закабалили нас,

демофашисты. И я не сужу Блока, Есенина, Клюева, Маяковского за их “индивидуальное” слушание музыки Революции... Слово поэта берет начало у пескариноного омутка, речушки, а дар поэта формируется из отчего простора, из ливня и метели русской, из легенд и трагедий края, Родины.

Приехали писатели, Денис Буляков, Юрий Пшонкин, Александр Филиппов, и я с сестрою на забытое ивашлинское кладбище. Сестра искала, искала бугорочки братьев, дедушек и бабушек, не получилось. Я лег на траву, а кладбище на горе, лег и нашел. Почему? А я, по строгому наказу матери, после снегов и после дождей окапывал, наращивал могилки. Старался. Покидал хутор — могилка брата самая высокая оставалась. Спустя почти сорок лет по ней и другие отыскал.

В 1-м мартене Челябинска, около десяти лет я, взятый железным огнем и пылью, тосковал о соловьях и кукушках, рисуя их воображением, родных и доверчивых. Но огонь — лишь круглый дурак не признает. Мартеновский огонь — высочайшее мастерство. В содружестве с ним спасти землю можно. Без него ни колесо, ни пропеллер не загудит. А каменным молотком — лишь каскоголовых пугать. Демофашисты, гася коксохимы и домны, вредят, уничтожают Россию... Возле огня неандерталец из гориллы в человека превратился, и виноват ли огонь в том, что Снегур и Ельцин направили его на Приднестровье?

Стихи поэта не должны, мне кажется, иметь посторонние черты, или черты чужой генетики: дети, не их отцом к свету зачатые, — травмированные существа. Русская поэзия — летящая, нахлынувшая стихия, организованная в рифму, строфу и мысль. В Пушкине, Лермонтове, Некрасове, Тютчеве, Блоке, Есенине, Васильеве, Корнилове, Твардовском, Федорове, Ручьеве — вздох Разина, тайна Сергия Радонежского, зоркое полководчество Кутузова. Как в самом народе великом — стихия и державность, покорность и вольнобуйство.

Я услышал державность и не отдам ее никогда. Я знаю поэтов, упершихся в огородик — сторожа бахчей... Знаю поэтов, рифмующих добротную усидчивую прозу. Сейчас они — классики. В народе им — не быть. В ЦДЛ — дорого... Есть поэты, так и не “вышедшие замуж”, — старые девы: мол, я чистенький, никому не “отдался”, ни коммунизму, ни капитализму. А нужен ли ты кому?

Тот же Солженицын — в крови, в слезах трагедий. А кокетничать: “Я поэт, я сам по

себе!” — лучше сто раз ошибиться и ринуться в жизнь, в пучину ее стихии. Я не имею права осуждать, замечания изрекать. Я говорю о пережитом и передуманном. Я говорю бугорками своих братиков, немецкими осколками в теле отца, унесшего их, на Урале, в могилу.

Исковерканное марксистскими преступниками братство и равенство мафиозный Горбачев заменил на раздоры, на кровавые боины в народах СССР, а ведь всего-то надо было: поправлять и лечить, поправлять и грамотно лечить больную Родину. Он же, предатель, погубил ее. Сейчас неодициденты требуют судить КПСС, а КПСС — около двадцати миллионов. Кто же честней, двадцать миллионов тружеников, крестьян, рабочих, инженеров, ученых или сотни, пусть даже тысячи, завтрашних “досвидания-туристов”? Судить надо вождей — и начинать с Горбачева. Но Горбачева и Ельцина, Шеварднадзе и Яковлева неодициденты судить не станут. Чем это не поэзия? Это — русский Иосиф Бродский... Россия — в нужде, а он—в Риме.

Русские поэты видят: заменяют их, заменяют композиторов, ваятелей, все русское — на псевдонимное, наглое, развратное, продажное, злое. Заменяют псевдонимники, сующие свое поддельное мурло под русский ветер. Русские поэты сопротивляются. Редкие — предаются, лебезят и тушуются.

Как-то съездил Иван Иванович Акулов, писатель русский, честный, как сгоревшая свеча, съездил в Австрию и ужаснулся: “Ну, кому нужны мы? С партией, с Лениным, с Марксом, кому, а? В Австрии закурил у фермы, а теленок:

— Привет, господин Акулов!..

— Здравствуй, сосунок!..

— Я не сосунок, я имею акции в подворье. Урожай соберем, “мерседес” купим. Посытею, меня зарежут на паштет и вам за бриллианты безвозмездно, гуманитарной помощью отошлют. Это у вас: план перевыполнил — орден получи, а у нас “мерседес”!..

И жаловался: “Валя, у наших членов Политбюро сутками в мозгах короткое замыкание: “Берите пример с Ильича”, “Мировая социалистическая система” — тьфу, суки!.. У них — рылья икрой сочатся, а нам — Революция и бойня в Афганистане?..” И — затихал, печальный.

В детстве я относился к Ленину — как в детстве, в юности — как в юности, в молодости — как в молодости. Стихи есть у меня о нем. Но сунулся в запрещенные “биографии” — потрясло: те, рокового семнадцатого лидеры, схватили Революцию за горло и подчинили ее расстрелами и тюрьмами антинародной “хартии”, антирусскому напору. Как сейчас: схватив за горло, подчинили перестройку антирусскому курсу.

Страшен гнев народа, изнурительная тоска людей по совершенству, их ненависть к обиралам страшны лидерам, подвизавшимся на планетарной возне архитекторов “нового мирового порядка”, запрограммированных сионо-масонской инквизицией. И кто не поколеблется в любви к вождям? Идиот не поколеблется. А нормальный — не раз и не два “очнется”: к себе, в сердце, постучится. Но ненормальные судят нормальных...

Заместитель генсека Ивашко, мяконький колобок, выступил на последнем съезде КПСС. Дескать, двуличные, карьеристы, замаранные, случайные бегут из партии, семьсот тысяч выбегло — не беда... Карлик великана характеризует, лилипут, облеченный жреческим креслом. Покидали, раскусив предательство Горбачева, лучшие, я многих знаю: “Мы проиграны, у власти завербованный!..” За ними — менее открытые, а дальше — яковлевская казнь КПСС и анархия. А Ивашко ползает по марксизму, извините, как вошь по кальсонам ээка.

Горбачев угрожает, врет, предает, а одутловатые члены Политбюро дремлют, облизываясь. Пахнут вкусно, коты. Откуда у нас иерархия и послушность в ЦК КПСС, как в кровавом шатре Чингисхана? Не от Ленина ли? Не от Троцкого ли? И я: не кайся, не отрекайся и не ошибайся? Ошибаться разрешено им — в урожаях, в строительствах, войнах и расстрелах.

Ныне для меня: Революция и Ленин, Россия и Ленин — не одно и то же, Горбачев и КПСС — не одно и то же. Ленина, думаю, пора похоронить, земле предать, а его Мавзолей перенести. Урны и гробы, с Мавзолеем во главе, перенести на поле под Москвою. Музей бездонной трагедии открыть. И над черным полем огромный крест поставить — черный, крест примирения и вечной боли. Над Горбачевым и Ельциным,

продолжателями борьбы за счастье трудящихся, бессрочный суд затеять. Но — толку-то?

Не оттачивайте перья на беззаветных поэтах и не истребляйте их. Вчера я на улице Крупской, на площадке, где она, Надежда Константиновна, бронзовая, с бронзовым Ильичем отдыхает, вздрогнул. Памятник облит желтоватой шизофреничной краской. Облит — с выплеском, толстослойно. Оба отмашисто заклеены засохшей жижей. Их, известных поколениям эпохи Октября, не отмывают, не торопятся очистить. Некому?..

Страна упала. Мы упали. Но разве мы натывали памятники на каждом километре? Их натывали члены Политбюро и дармоедные ненасытные “интернационалисты-публицисты”, преступные баскаки. Газеты — у баскаков. Журналы — у баскаков. Телерадио — у баскаков. Товары — у баскаков. Цены — у баскаков. Мы — пленные. Мы — подлежим удушению нищетою.

У нас не вспоен теленок, просветивший Ивана Ивановича Акулова, неистового писателя русского, а лозунги “Мы — советские!”, “Мы — равны!”, “Мы будем жить при коммунизме!” растоптаны и проторгованы Рейгану, Бушу, Тэтчер, Шамиру. Рыночные генсеки, приватизированные президенты — на свободе: творят, издеваются, бесчинствуют и напиваются до белой горячки, прыгая в мешке с моста... Как арестовать изменников?

Они не уступают в жестокости ни Ленину, ни Троцкому, ни Свердлову, ни Сталину, ни Дзержинскому, ни Воровскому, ни Менжинскому, ни Ягоде, ни Ежову, ни Берии, ни Кагановичу. У меня был 1-й мартен в Челябинске, и там уже — дух уныния и пропада. Была Ивашла — там сиротливо ковыли шумят летом, а зимой седые вьюги воют. Поэты у меня были, Василий Федоров, Борис Ручьев, Людмила Татьяничева, Михаил Львов — где их имена?

Их, покойных, дубинками “расстреляли” ночью, 22 июня 1992 года, в четыре часа, у телебашни в Останкино, “расстреляли”, как расстреляли тогда — Николая Гумилева, умилили тогда — Александра Блока, повесили тогда — Сергея Есенина, заставили тогда — пустить пулю в себя Маяковского?

Русские — без России. Царь, молясь, выронил ее — поплатился. Даже детей, царских детей, Свердлов и Ленин, опираясь на Троцкого и Юровского, детей свинцовыми иглами искололи, окровавленных, в шахту запихнули. Ну, о чем думает русский поэт? Только о Ленине: как сберечь верность перед ним и вдохновенность? Особенно — пошурудив запрещенные архивы палачей.

Слепой “националист”, считаю: у русских, украинцев, белорусов единая колыбель — Киевская Русь. А вы как считаете? Не ее ли нам и кохать?.. Поссорят и нас.

* * *

Работая главным редактором “Современника” долго и бурно, я имел дело с цензурой, никому не доверял верстки книг Виктора Астафьева, Бориса Можаяева, Федора Абрамова, Константина Воробьева, Петра Проскурина, Владимира Тендрякова, Николая Воронова, Ивана Акулова, Василия Белова. Да, “Кануны”, “Пастух и пастушка”, “Живой”, “Братья и сестры”, “Мужики и бабы”, “Касьян Остудный” в цензуре принимали порядочнее, чем в ЦК КПСС — у Беляева, Севрука, Шауро и Зимянина.

Фурцева звонит:

— С вами говорит член ЦК, министр культуры Фурцева!..

— Слушаю...

— Снимите с производства “Живого”, я запретила в театре!..

— Не могу...

— Почему?..

— Уже отпечатана...

— Сумели? Задержите продажу!..

— Не могу, уже отправлена по магазинам...

— Сектантствуете на посту? — Трубка грохнулась...

А каким помогающим был Федор Абрамов: “Не бойся тирании КПК, меня Секретариат ЦК КПСС пригвоздил, а я не умер!” А Владимир Тендряков: “Спасибо вам за “Кончину”, вам сейчас трудно, скажите, разве я не смогу чем-то помочь?..” Суровый, точный. А Василий Федоров? А Юрий Бондарев?

Геннадий Николаев, Руслан Киреев, Анатолий Жуков, Эрнст Сафонов, Арсений Ларионов — надеюсь, подтвердят проверку их произведений “на таможенных” ЦК КПСС?

Когда гориллы из ЦК КПСС и КПК — мартеновский огонь их не отесал — громили “Современник”, нас громили, Борис Можаяев, “ивашлинский” лось, случайно попавший в городской стеклянный “офис”, отравленный хамством, поднимался и точеными копытами разбивал дубовые двери в дубовые кабинеты начальников, дежуривших за дубовыми столами.

С. Викулов, В. Лихоносков, Ф. Абрамов, Б. Можаяев, И. Акулов, В. Белов, М. Львов, Н. Воронов обратились в ЦК с остререгающими просьбами, но, увы... КПК. объявил их просьбы спровоцированными “Современником” актами, и на судилище Пельше зачитал три телеграммы против меня и “Современника” Михаила Шолохова, старого человека, дезинформированного, “подогретого” околелитературными прихлебателями, иждивейцами.

Солженицын пишет — Борис Можаяев носился по Москве, доказывая порочность решения правительства о высылке из СССР автора “Ивана Денисовича”, “Ракового корпуса” и пр. Да, Можаяев неостановимый, если “рога заломит”...

Следователь КПК Соколов “разоблачил” мои аттестат, свидетельство и диплом. Позже от “разоблачения” свидетельства и диплома отказался, а на аттестате задержался. Когда же я еще раз сдал экстерном — арестовал мои контрольные работы: нюхал, нюхал, в лабораторию носил, снова нюхал, шурша носом по бумаге, — отказался.

А за мои взносы меня пожалел: “Партсекретарь у вас халатный, штамповал бы аккуратно — получили бы излишки, “Жигули” бы себе купили!” За двенадцать или пятнадцать лет скребли цековские и капэковские грызуны мои взносы. Четырнадцать комиссий рылись в “Современнике” — ни рубля растраты, иначе — погибельный гул качнул бы сверхдержаву... Противно сегодня вспоминать разоблачителя, жандарма КПК.

Похвастался же в Чехословакии Пельше: “Мы, по письму члена ЦК КПСС Шолохова, разогнали зажимщиков критики!..” Вот извергов-то шарахнули: меня, Прокушева и Мирнева, когда ЦК, КПК, Политбюро пробанкетили КПСС, а Горбачев и Раиса — СССР. И КПК ли разоблачать мой аттестат, сострадательно выданный мне в школе рабочей молодежи?

Мы, русские, доверчивы, как доверчивы любые народы, на любом их родовом камне, на любой их родовой поляне, родовой борозде. Ненцы ли, чукчи ли, нивхи ли не доверчивы? Суя стеклянную банку со спиртом, напрасно щеголял “предприимчивостью” европеец, получая песка и соболя от аборигена. Абориген — не ужасно ли?

Аборигены — столпы человечества и природы. Разрушаются они — разрушаются их “покровители” и природа, взрастившая в них подобие свое. Насели на американских индейцев промышленные гунны — где те добрые племена, где нетронутость рек и озер нового континента? А мы на северных сопках и северных тундрах когда потеряли детскую привязанность и гостеприимство малых соседей, охотников и оленеводов?

А где наша русская удаль? Не тот ли спирт ее унес? Не те же огонь и железо, напитанное ядом распри и жаждой отнимать, калечить, богатеть? На земле не было народа, не испытавшего кары от Бога за невинных, втоптаных движением “прогресса-покровителя” в слезы и кровь. Всегда помни: огонь — благо, огонь — кровь, если над ним владычествует жестокость, а не милосердие.

Разве Есенин не был доверчив? Был. Доверчив — народной совестью, естественной необходимостью видеть в человеке брата. Но где Есенин? Где Пушкин? Где Лермонтов? Дантесы, Дантесы, Дантесы. А русские, мы, оглядываемся, жмемся, зябнем: не заметили бы нашего гнева оккупанты, убийцы русских душ!

Мы даже воображением не способны нарисовать этакое: включаем экран, а с экрана русский человек призывает нас к русскому чувству, русскому обычаю, русской судьбе? Не способны. Мы способны: включаем экран, а с экрана псевдонимец обзывает нас фашистами, красно-коричневыми, большевиками, и мы терпим. Кто мы? Гои.

Как случилось — один Горбачев, пролезший “по верхам” в президенты, взорвал великую державу? Кто же его окружал? Предатели? Не все. А “не все” кто, если позволите? Как случилось? Национальное равнодушие и национальная безответственность окутали русский народ, застелили путь ему, живущему? Свинью на экране четвертуя, бесы хихикают: “Россию разделяваем!”...

Беляев рассказывал: “Вызвал меня и Севрука к себе Леонид Ильич Брежнев: — Как намерены решать с Сорокиным?.. — Мы не успели сообразить, а он перехватил инициативу: — Надо его наказать, но наказать так, чтобы не поднялся. Исключить его из партии. Снять его с работы. Посмотреть вокруг него, снять, снять, и его судить!

Час, ровно час, мы осторожно доказывали Генеральному секретарю ЦК КПСС и

Председателю Президиума Верховного Совета СССР: исключать и судить тебя — нет оснований, а ты, Валентин, на нас обижаешься!.. Как мы тебя могли спасти?”...

Это было в октябре 1978 года, а в декабре 1980 года на писательском съезде России выступил с дерзким упреком уральский поэт Владилен Машковцев, защищая меня. Съезд так был ошарашен, некоторые литленинцы глотали таблетки, а Лев Сорокин заявил “от имени” свердловчан протест и пригрозил Машковцеву. Я когда-то посвятил стихи Льву Сорокину, полагая: мы оба — Сорокины, но, как мне позднее разъяснил Борис Александрович Ручьев, мы даже не однофамильцы. Кожезаменитель...

Уральцы, особенно челябинцы, принимали отчаянные шаги, спасали меня, но со всеми, кто меня спасал, обновленный “Современник” расторг договора, по приказу Соколова. А обо мне и о Машковцеве Брежнев завел тягучку на заседании Политбюро. Докладывал кратко Тяжелыников, пробовавший в начале заварухи выволить меня из-под удара. Ему в ЦК КПСС и мне помогал Сенечкин.

Николай Воронов, Михаил Львов, земляки, и москвичи, Сергей Поделков, Екатерина Шевелева, Феликс Кузнецов, Виктор Кобенко, до конца оставались возле моей семьи. Шевелева звонила Зимянину, Андропову и Черненко. Поделков оспаривал цекистов по кабинетам, а Воронов вел документы в мою поддержку среди писателей, пока Черненко не отреагировал, прочел и прислал ко мне человека...

Брежнев старался угодить Шолохову — “целинники”, а Шолохов — Брежневу: поймал такого бандита!.. И встреча в Ростове у них намечалась, но досрочно изнемогли в борьбе с современниковцами, недоехали... Смешно? Смешно, когда бы не грустно.

Писатели не везде — писатели: обвешанные медалями и орденами, замассажированные депутатскими парикмахершами, иные гении сегодня бегут от русского собрата, видя, как глубоко его интернациональные ордынцы бросили в яму. И чем сильнее звон наград на лацканах русских баев, тем они трусливее и неприятнее.

Но среди тех, прежних, гладких, стояли, хмурые и худые, два Ивана: Акулов и Шевцов. Непримиримые, прошедшие фронт, ничего и никого не боящиеся. Шевцов успокаивал меня и мою жену, Акулов настойчиво звал меня положить партбилет в райкоме:

— Зайдем, бац, перед рожей! Натe, мерзавцы, угробившие русскую жизнь, превратившие в раба русского человека, нате, себе в карман!..

— Нельзя, не в них дело!..

— В нас, Валя, в нас, мы: “не в них дело”... А в ком же? Где они? Вот, Валентин, скажи, Хрущев пропил партию, Брежнев Россию, Нечерноземьем ее именует, эх, Валя!.. Все они, как один, стервецы, неучи и христопродавцы. Все члены Политбюро, все. Валя, у них же, у каждого, наганы в брюках, пистолетики манюсенькие, с ноготок твоей внучки... Вынул — бух, и нет негодяя, но скажи, Валя, кто из них способен, кто? А ты: “члены Политбюро, члены Политбюро!..” Члены, Валя, члены, да еще какие фуи!.. — Он плакал.

Через короткое время я оказался свидетелем: первый секретарь РКП Полозков садился в громадную “Чайку”. Маленький, искренний, не потерявший стыда, он долго влазил в нее, торжественную, лаковую. Влез. Обтоптался, а она — просторная, высокая, длинная, а он один в ней: шофер далеко, у педалей. Полозков подпрыгнет — и глянет в окошко, подпрыгнет — и глянет на улицу.

Несчастный. Так и увезла его бронированная “Чайка”: ничего не сказал, не сделал, не обнародовал. Родной и маленький, а “Чайка” широкая, длинная, грузная — кремлевский ихтиозавр, пожравший членов Политбюро и членов ЦК КПСС, проглотивший самую революционную в мире партию...

Доброта хуже воровства, особенно — когда твоя доброта опекает недобрых: семь раз пособил, а на восьмом не сумел — враг. Не простят. Начнут мстить и закончат свирепое мщение в суде. Отредактировал я у серого журналиста Акима Дроздова серый роман, а тираж в двести тысяч не разрешил — началась битва со мною.

Поспособствовал, как главный редактор, книге академика НИИ, медика Федора Гавриловича Крыльцова, “О борьбе с пьянством”, а тираж в триста тысяч не разрешил — старик ринулся атаковать меня: позорил везде, где есть смысл позорить и где нет...

Полубурят, а по некоторым сведениям полукараим, он к месту и не к месту восхвалял русских, поворачивая перед нами длинную костистую русскую жену: “Милка, груди, груди подними! Милка, живот, живот подтяни! Милка, улыбнись, сделай вдох и выдох!”

Нарядная Милка изгибалась и поскрипывала позвоночником, а семидесятипятилетний паук шевелил вокруг нее щупальцами: “На сорок шесть лет меня моложе, а сына от меня, от меня родила!..”

А сын почему-то сильно пошибал на мордастого Акима Дроздова и в четырнадцатилетнем возрасте уже строчил статьи против дачных соседей. Пионер. Но папой звал не Акима Дроздова, а Федора Гавриловича Крыльцова. Видимо, из уважения к ученому старику, смакующему собственные афоризмы: “Не курить — легким не вредить!”, “Не пей вина — не изменит молодая жена!”, “Коли богат — не горбат!”, “Зарботок велик — не старик!..” И тянул с кого рубли, с кого сотни, с кого тысячи, расширял дачу и молодился, наняв литсекретарем Акима Дроздова.

Брежнев не сам же пишет гениальные философские произведения, и академик сам не обязательно должен уметь сочинять книги. Возле Дроздова и Крыльцова, как мухи возле испорченной пищи, вились остервенелые: у которых со словом — нелады, а с совестью — утечки.

Терлись возле них и обиженные долей: плохо видящие, деформированные, глухие и вообще — тронутые, ища врачебной защиты, но академик без надобной пользы для себя не лечил, потому — предварительно и процеживал через житейскую выгоду нахальную публику, не столько больную, сколько озлобленную из-за врожденной бесталанности. Честнобольные — почти всегда талантливы, а эти — шакалы, проносящиеся следом за жертвой по русским просторам.

Встрепанные склокой и мстительной солидарностью, они, стая, загоняли в угол красавца оленя, урча и пофыркивая пожирали его на партийных собраниях, профсоюзных конференциях, на разборках жалоб и доносов “наверху”, по цековским гробоподобным коридорам. А на цековских высотах — псковская склока, державная и даже планетарная.

Брежнев, опрокинув Хрущева, с Мао Цзедунем не управится, а председатель КГБ Андропов проворовавшемуся министру МВД Щелокову мешает бриллианты упаковывать в чужой квартире и заказывать их в свою — чудно. Михалков наносит удары по Солженицыну, а Евгений Гангнус-Евтушенко изгаляется над нами, русскими поэтами.

А наивный “Современник” ведет серию книг из русской критики, ведет серию книг из русской поэзии, ведет серию книг из русской прозы: ну кто вытерпит, на каком этаже ЦК КПСС обрадуются национальному смыслу русских? Десятки тысяч русских девушек завербовали на армянский ламповый завод — молчи. Десятки тысяч русских парней и девушек завербовали на целинный Казахстан из обнищавшей и засушенной Центральной России — молчи. Винят тебя, русского, в грехах не твоих, обзывают шовинистом и оккупантом — помалкивай. Ты — старший брат...

Съезд за съездом, пленум за пленумом, а русскому человеку унылее и унылее, тошнее и тошнее: изнасился он, исстрадался душою, плечи заузились и поникла отвага — хватит! И — вылез из перестроечной пыли и крови лысый ленинец — Горбачев, а за ним и следующий ленинец, не менее лысый — Яковлев, затеяли травлю и предательство русских в республиках и в России. Целомудренные коммунисты, мыслители, интеллектуальные столпы СССР, взорвали великую державу, словно по надутому бычьему пузырю ударили...

Как не процитировать Сергея Есенина?

Только для живых ведь благословенны

Рощи, потоки, степи и зеленыя.

Слушай, плевать мне на всю вселенную,

Если завтра здесь не будет меня!

Я хочу жить, жить, жить,

Жить до страха и боли!

Но русских, живых, теснят, а русских, мертвых, не вспоминают. Да и русские — не одинаковые: Сергей Смирнов, например, считал меня и Василия Федорова опасными антисоветчиками. Кляузничал на меня в райкомы и Шолохову.

* * *

У настоящего поэта, если ты не сноб, всегда найдешь такие строчки, которые всю жизнь будут с тобой: родными для тебя станут. Лет двадцать пять назад сидел я, помню, в кабинете секретаря СП РСФСР Людмилы Константиновны Татьяничей, а она взволнованно читала мне стихи молодого волгара — Юрия Адрианова:

За Нерлью коростели плачут

И дышит горечью тальник.

Удачу нам иль неудачу

Сулит далекий птичий крик?

Меня околдовали эти строки: столько в них вечернего грустного раздумья, тоски и непокоя! Вечного непокоя: он томит и мучит человека... А Людмила Константиновна продолжала:

“Грозен царь Иван Васильевич!” —

Дед поет на все село...

Уже — другое, мир другой: поэт другим встает перед нами!

Юрий Адрианов изучал фольклор, народную речь и сказку, но поэт он — с блоковской синевою, с есенинской нежностью.

Сегодняшнему правительству поэзия не нужна. И, может быть, оно и читает лишь “мертвых поэтов”, поскольку живым поэтам ныне труднее собаки, забытой и покинутой хозяином.

Правительство, цинично обходящееся с поэтами, наверно, не надеется нормально просуществовать: торопится поблудить, поиграть я жуликовато кануть в океане истории? Или нагло считает: поэты — собаки?.. Мы свидетели преступления. Теперь новая книга поэта — зависть и удивление. Юрий Адрианов — редкий поэт. С природой он общается естественной соучастно. Он вырос из нее, как мудрый осенний рыжик: в траве, в хвое, в листьях, и все — она, сторонка отчая, где нет лишних, из тех, кто однажды появился тут. Мотив ощущения прошлых поколений, мотив ощущения прогремевших бурь, от покосившегося креста до братского обелиска, оклеветанного перестройкой, — в душе поэта, в очах его...

О, такую книгу создать сейчас — подвиг! Приготовленные на европейской гуманитарной фабрике для русского нищего рта “плюрализм” и “альтернатива”, “адекватно” и “прерогатива” — гвозди, зажаренные советскими прорабами, убившими поэзию конца текущего века. Сами прорабы перестройки — в болоте свар.

И еще: пишет не менее прекрасные стихи, чем Юрий Адрианов, — Геннадий Суздаев, уралец. К нему тоже не раз обращалась с крылатых высот Людмила Константиновна Татьяниче-ва. В те времена маститые поэты не упускали нас, приучали нас к государству, к подвижничеству:

Звени, моя дорога...

Хватило б только жил.

Врагов я нажил много,

А денег не нажил.

У Геннадия Суздалева — социальнее, острее, с натиском и обидой, но и в нем — достоинство слова, сдержанное, властное умение стоять посередине дня: и с правой, и с левой стороны — люди, их заботы, их судьбы, и ты—не сам по себе, а со всеми и во всех, как дождевая капля в горизонте, горький он, горизонт, веселый, —но ты в горизонте!

Какие я нашел бы эпитеты и похвалы Геннадию Суздалеву, но до того ли? Россия отравлена, сожжена и разграблена паранойными храбрецами кровавых перестроечных батальон, а пахарь и сеятель, писатель, как тот, всамделишный пахарь и сеятель — осмеян, унижен и отодвинут хамами, кочующими торгашами. Россия без поэзии — не Россия:

Не всегда натура — дура,

Не всегда туман — обман.

Самодельную культуру

Не заменит графоман.

Геннадий Суздаев в “самодельной” культуре видит не ту “самодеятельность” — псевдокультуру, а народную подлинность, распахнутую, заповеданную нам от колыбели... Роковая, магнитофонно-жующая, как ни верти, не заменит нам истинного образца одаренности, интеллигентности и обаяния.

Выше я сказал о забытой, брошенной хозяином собаке — не осуждайте меня! Собака нравственной человека: вернее и беззащитнее его, потому человек виноват перед ней. Вице-чиновнику, безнаказанно жиреющему в министерском кресле, “не помнящему” о сотнях, сотнях и сотнях обездоленных, оставленных прорабами перестройки без куска хлеба, обязательно испортит карьеру собака: преданная когда-то им его собственная совесть...

Мать чиновника разве чиновника ожидала в ребенке? Надеялась, поди, на сыновнюю порядочность, а он — “прораб”. Стихи Геннадия Суздаева родилась в Челябинске, а стихи Юрия Ддрианова родились в Нижнем Новгороде. Противоположные страсти, противоположные манеры и школы мастерства, но одна у них “подстреленная правда”, как раненая иволга: лежит на ладони твоей и улететь не может, гляди на нее и казись, американский робот — перестроечный баламутолидер! Поэты — не собаки. Гляди...

Русский народ не умрет. И поэзию он свою сохранит. Только уж очень дорого ему все обходится, от борозды до карандаша: ни жить, ни трудиться, ни радоваться не дают ему бесы, ослепшие от звона доллара и внутривенной порошковой марихуаны — зависти.

Но за что злобствовать на поэтов? Поэты доступны и доверчивы, как их народ. Да и гибнут поэты всегда чуть впереди экспертов-реформаторов, рептилий-ваучеров, утробно пожирающих последние бутерброды с астраханской икрой.

Когда наши писательские издательства свирепо разгромлены и бессонно контролируются “рыцарями свободы”, а Союз писателей подвергается спланированному унижению и давлению “инстанций”, давлению голода и холода, найдется ли миг у

завтрашней новой Людмилы Константиновны Татьяничевой повосторгаться завтрашними новыми поэтами, Юрием Адриановым и Геннадием Суздалевым?..

У Бурбулиса на державном столе томик стихов Мандельштама. Чиновник ценит талант? Чепуха. Томик — афиша. Поток схоластики из уст чиновника — признак не начитанности, а перхотного марксистского ветхозаветья... Каганович — палач, а наряжался в вышитую рязанскую рубашку. Мозговое табло прораба способно зафиксировать цифру и букву, но не божественный вздох свечи. Прорабу и томик Есенина не впрок.

Отобрать святое вдохновение у художника, как отобрать молоко или картошку у семьи, и предлагать “сии вещи” с базарно-вымогательских лотков — не политика. Правительство, не ведающее куда какую фразу положить, а где какую машину смонтировать, — несерьезно: оно падет, а терпеливые лирики и эпики дорисуют банальных временщиков. Позорный иудоскорбный образ Горбачева, лепимый нами, не иллюстрация ли к моим предреканиям? Вылепим и остальных.

Библия предупреждает: “Смотрите, братия, чтобы не было в ком из вас сердца лукавого и неверного, дабы вам не отступить от Бога живого”. Смотрите, поэты, на них, чужих, самонадеянных и безответственно упоенных. Смотрите, запоминайте и рассказывайте, рассказывайте!..

Вышвырнутый вместе с детьми и женою, решением ЦК КПСС и КПК, из квартиры, очищенной Гришиным, Промысловым и Зимяниным для мультимиллиардерши Кристины Онассис, в 1978 году, я не сомневался: суд над бандитами неизбежен? Где Гришин? Где Промыслов? Где Зимянин? Где Кристина Онассис? А ЦК КПСС и КПК где? Бог есть: не балуйся с правдой, не угнетай и не лакействуй... И врага милуй.

Юрий Адрианов познакомил меня с матерью Бориса Корнилова в Семенове, а Геннадий Суздалев могилу моего отца обустроил в Челябинске. Живем и “открываем”: кто Клюева, Васильева, Корнилова, Ручьева на Колыму загнал? Мы — открыватели национальной могилы... Россия, родная Россия, даже Сергею Есенину, русской молитве среди парадов и тюрем, не нашлось надолго-надолго места: сжили с бела света.

Генсеки, Политбюро, ЦК КПСС, КПК — главные преступники перед русским народом, перед народами СССР, главные ироды: от них, от их указаний и постановлений веером расходились по великой державе печаль, беззаконие и кровь. Все у них: тюрьмы, войны, золото, вода и воздух, все у них!.. Спроста ли русский народ рожать перестал?

Бесцеремонные и уверовавшие в свою непогрешимость, в свою госнеприкасаемость, селились в чужих особняках, в чужих дворцах, в чужих имениях, ложась в чужие кровати, укрываясь чужими одеялами, кладя марксистские облезлые бошки на чужую подушку... Что с них спросить? Преступники.

Не будет человек русский нормально трудиться, нормально служить в армии, нормально относиться к ним и к себе, пока он — “красно-коричневый”, пока он — “русский фашист”, пока он — “ура-патриот”, пока он — гой... ^Ныне Сион своей рекламой изобретает так называемые “идеи времени”, “теории науки”, дает или не дает ход людям, их произведениям, ибо биржа, и торговля, и дипломатия — все в его руках”, — заключают философы. Русских отлучили от русских. Заменяли.

Возле моего дома — водочный магазин. Около магазина — стальная ограда: в киоске пивом торгуют. Алкашй, небритые, замурзанные, нищие граждане, с утра толпятся, звенят монетами, глотают мутную пену. А над ними кто-то бренчит и хрипит:

Хочу в Америку,

Хочу в Америку!

Да, Америка обрадуется, встретаясь с ее ценителями, небритыми и пропитыми. Так ей,

Америке, и надо. Не станет же нормальный орать:

Хочу в Америку,

Хочу в Америку!

Есенин бежал из Америки, спасая душу, а мы, небритые, — в Америку?

Русский народ — ребенок. Помани его очередной сказкой — улыбается. Публично не клянет Революцию. Публично не клянет гражданскую войну и красный террор. Не мстит детям и внукам палачей за коллективизацию и голод. Но понимает: опять — перетряс, опять клонят изменники и предатели России к расправе и голоду, к новому вымиранию русских на родной земле. Понимает — настораживается.

А насторожился — у демофашистов поджилки дрожат. Вины, вины Политбюро и ЦК, но ведь среди когорты подлецов и узники Матросской Тишины, а в чем их вина? Только — в медлительности и нерешительности. В чем вина Шенина? В чем вина Стародубцева? В чем вина Варенникова? В чем вина Янаева, Язова, Бакланова, Крючкова, в трусости?..

Народ — ребенок. Почему бы ему не потребовать от Ельцина и Буша вернуть нам, России вернуть Сережу Хрущева, Евтушенко, Бурлацкого, Коротича, Тарасова, Силаева, жениха Сагдеева, космического зятя достопочтенного Эйзенхауэра, всех “спецпрорабов” вернуть и спросить с них — за разор, нищету, хаос. Каркали, трубили, позорили, улюлюкали? Славян и тюрков стравливают...

Шеварднадзе несколько миллионов грузинам подарил. Где он их взял, член Политбюро? Горбачев квартал на Ленинградском проспекте приватизировал. Кто разрешил? На Канарских островах замок приобрел. За какие суммы? Вчерашний генсек КПСС. Яковлев звание академика заграбастал. За что? В чем его учение видим? В подрыве страны? Проворная бездарь.

Мгла опустилась на нашу Родину. А они — черти. Тени их — дым Приднестровья: над каждой свежей могилой, над каждой разбитой крышей. Тени их — над Осетией, Абхазией, Таджикистаном, Арменией, Чечней, Азербайджаном, Прибалтикой. Трех братьев на глазах у матери растащили, рассорили: русских, украинцев, белорусов. Они балканцев предали. Потренировались на Ираке — Балканы предали. Россию ждет участь Ирака и Югославии. А где русский народ? Тени околдовали?

Говорят, американские астронавты на Луне черные тени видели, а мы черные тени видим у себя, в России: тень Горбачева, тень Яковлева, тень Шеварднадзе, тень Ельцина. Черные тени. Встанет ли русский народ с колен"? Какие муки ему еще придумают эти мерзкие тени через правящего бунтаря?.. Но Бог — следит. Тени — чуют возмездие: пауки насосались русской крови, а выбраться из кровавой сети Бог им не позволяет. Ложью захлебываются.

* * *

Тайная сволочь листовки распространяла: “Сорокин украл 500 тысяч в “Современнике”, имел тридцать штук наложниц, купил в Одессе красные корочки об образовании, еврей, сын шляпника, собирающийся в Израиль!..”

Мать проверили — колхозница, значит, русская. В Челябинске, по приказу Соколова, начали вскрывать могилу моего отца. Отец — лесник, но помер, а лесником вдруг и

еврей устроился, согласился, в старину, поработать?

Я дал в обком Соннову Николаю Ивановичу, секретарю, телеграмму — беспощадную. Решил перехоронить отца на башкирском кладбище. Отец, русский, как галопный гик, знаменитый гармонист в Башкирии. Башкирские мелодии знал как свои, русские. Башкиры очень любили отца, величая его Васуркой, Васюркой, Васей, за доброту и лихую выправку...

Сорокины — пчеловоды и лесоводы на Урале, потомственные. Соколов заслал в мой район двух дебилов, катающих на “Современник” дневные и ночные “тарантасы”. Едут по Башкирии — спрашивают обо мне, крупном шпионе, а за баранкой мой двоюродный брат. Лишь догадался — о чем речь, вышвырнул их из автобуса. В Москве я с ними вижусь. Дебилы. И Соколов — марксистский дебил.

Три братика у меня погабли. Два — рано в детстве. А третий — не успел я добежать, с метр, до карьера: обрушились глыбы. Я, девятилетний, и он, шестнадцатилетний. Золотоволосый, голубоглазый. Есенинского типа.

Отец — инвалид: в затылке и шее одиннадцать осколков микроскопических — приехал на костылях с Волховского фронта. Прихватил Васю Елисеева, с Орловщины, инвалида, поселили еще беженцев-евреев, муж и жена с двумя ребятишками, у нас. Семья насчитывала десять ртов, да Вася-инвалид, да четверо беженцев.

И кормились. Никого не предали, не обманули, не обобрали, а расставались — утирались... Ивашла еврея прозвала “Узе”. Узе ремонтировал одежду с убитых. Мне отремонтировал шапку вернувшегося отца: в корковой вате запеклось много крови...

Нередко иной зашоренный демонацист меня оярлычивает в антисемиты, а я не испытываю суеты: Господи, помоги мне за Россию, за мой русский, истерзанный и осмеянный народ постоять, а с подлецами разберется время.

Натолкнувшись на мой русский род, и Соколов “приварил” мне антисемитизм, но позже

— отказался. Беляев над “Живым” не разрешил гульнуть пожару... Добрые.

Денис Буляков, Юрий Пшонкин и Александр Филиппов двое суток кочевали по родственникам Сорокиных, гостили, но и процента родственников, Сорокиных, мы не объехали: древний, коренной уральский род — соперничает с Ивановыми, Петровыми, Сидоровыми на Руси.

Пусть еврейские “шпажисты” и русские хриstopродавцы зарубят: русские и евреи — нормальные народы, сионистствующие ублюдки и сюсюкающие шабес-гои им не нужны.

Сионизм — фашизм, в том виде, в каком демонстрирует нам его телебашня в Останкино и демопечать. Сионизм — каскоголовые кровавцы и каскоголовые генсеки и президенты, распявшие мою Россию и затравившие мой русскойей народ. Народ, спасший евреев от газовых камер.

Зачем тосковал и терзался Есенин?

Край ты мой заброшенный,

Край ты мой, пустырь.

Поэзия — не подачка. Творчество — не взаимные хвалебные афоризмы. Павел Васильев за двадцать шесть лет прожил столетнюю жизнь. Волхв. Есенина удавила оккупационная стая хищников. Блока оккупационная стая уморила голодом. Гумилева

казнила. Маяковского застрелила. Наивный, чуть прозревший Тальков убран негодяем, нырнувшим в Израиль, в милую сторонку Михаила Горбачева, почетного “доктора” обетованного края. Заслужил усердием: лета и лета на Сион положил!..

Вот беседую — вижу уровень пережитого в друге. Практика? Практика, но навязанная мне клубящимся русским горем. Все мы — в нем. Большие таланты — большие, даже в обидах: не мелочатся. А небольшие — заносчивы и дерзки, до зловония.

Жестко посоветовал я в “Современнике” “мыслителю” М. П. убрать раздел, позорящий имена действующих русских писателей, он до сих пор со мной здороваётся, снисходя. Медленно и принудительно тянет гениальную ладонь, а я свою, как хунвейбин, не мою, храню: М. П. ее коснулся!.. Проклятия у меня ни на кого нет. Нет и на тех, с кем “боксирую” в статьях. Размежевали нас, разбомбили, окровавили сионо-масонские лидеры, русско-еврейские предатели СССР и России, подчиненные межконтинентальному клану, хапнувшему русскую долю и песню.

“Современник” громили не за мой аттестат и взносы, а за русскую боль, внедренную в меня русским отцом и русской матерью. В “Современнике” я уже понимал кое-что... Да и современниковцы понимали: с Брежневым дрались, как с очумевшим от дряхлости мутантом.

В Главлите, цензуре, Владимир Алексеевич Сододин восклицал: “Бандиты! И ты бандит, два отдела ЦК КПСС снять тебя не могут, а мы циркуляра им не даем и не дадим!..” Я, бандит, благодарен Солодину за прикрытие. Если бы не Главлит, измесили бы меня раньше подошвами русских закормленных комхолуев. Но об этом — потом, потом...

Мать моя — нежная и жалостливая. А поэзию мне все-таки преподавал отец. Вороны, коршуны нападали в горах на слабых овец, порою на коров. Сижу за спиной отца на коне. Покачиваемся. А птицы кружат и пикируют. Отец вскидывает ружье — бах! Черная птица, распластавшись, грохнулась на траву, аж конь отпрянул.

В декабре 1941-го, в тулупе, попрощавшись, отец двинулся к саням: на фронт папу торопили. Дедушка, бабушка, мать, четыре сестры и мы с братом вцепились в тулуп. Не оторвать. Кричим, прижимаемся к отцу. Дедушка, бабушка и мать — крестятся. Шум.

Смятение. Бледный и возбужденный, отец стряхнул нас, на мгновение вернулся и разбил кулаком икону в углу. Все оцепенели, но погибельный рев не прекратился.

Мать заставляла нас молиться за него. Просила Бога простить. Ведь отец, конечно, из-за нас “обиделся” на Бога: куда, на какой фронт ехать, куча детей, старики, бедность? Отец не мешал верующим в семье, а Бог “не учел” порядочности отца... Отмолили. Вернувшись калекой, отец никогда не вспоминал разбитую икону и религиозность матери уважал еще значительно, чуть довоспитывая ее: “Бог-то Бог, да сам не будь плох!..”

А мы в декаданс норовим, в сопливый “сюрреализм”, Кафке и Рыбакову подражаем, вон сколько русской веселой эстрады: девять ртов на снегу ревут, а кормильца ленинцы на фронт гонят. Когда уже не отцову, а мою семью выкинули из квартиры, а мультимиллиардершу Онассис вселили на Безбожном переулке Москвы, я понял: битва с гитлеровцами не закончилась и ленинцы у руля...

Вспомнилось довоенное... Лежу я на деревянной кровати. Зима за окнами. Первый снег выпал, морозец. У меня — корь. Зябну. Распахивается дверь: “Не трусь!” И отец швыряет под кровать связанного кушаком и ремнем волка. Я вскакиваю. Отец на коне по легкому “насту” догнал волка, прыгнул с седла и скрутил. Волк на сырту атаковал горную козу, но неудачно, не повезло. А скольким волкам везет?

* * *

Я много читаю и много пишу о действующих поэтах: я вроде бы виноват перед ними, наивными и бессмертными, мудрыми, как холмы.

Следователь КПК Соколов, шурша носом по моему аттестату, интуитивно усек: у старшего сына моего в институте - аттестат тоже поддельный, а у младшего - справка для детсадика поддельная, и ордер на квартиру у меня поддельный.

Не поддельный - Соколов. В пылу власти он назвал госпожу Онассис гражданской Онассис и раз - товарищем по партии Кристиной Онассис. Его отчистил Зимянин: "Госпожой называть можно, а товарищем - нельзя!.." Мой старший сын, окончив институт, ушел в прокуратуру. Младший, со второго курса, ушел служить на озеро Ханка, на границу. Не дети, а оболтусы.

Такие бродяжные дети и такая преступная моя жизнь не способствует интеллектуальной поэзии, элитной поэзии. Хотя элита-улита, раскроет уста - раковина пуста... Один прозаик, "спекулирующий" на рвениях КПК и нанятый КПК, настроил роман об издателях. Баланда.

Говорю ему:

- Микола, несешь ты, дорогой мой, ерунду!..

"Н-нет, в с-советской к-конституции не раз-з-зрешается т-тридцать ш-штук ж-жен, м-не с-скоро п-пиисят, а я-я т-толком н-не умею... Ж-жена з-загуляля!..

- Запрети ей гулять... Не со мной же...

- Н-нет, в с-советской к-конституции с-статьи, к-карающей за п-п-о-доззрение, н-не з-з-зарегистрировано!.. А с кем - изучаю... С-свидетелей в-вербую.

Изуродованный, как наказанный Богом, он походил на толстую жабу, наглотавшуюся синтетических поддельных мальков: вытращенный, мигал бессмысленно и тупо. Я помог ему вступить в Союз писателей.

Шолохов, по ошибке и нажиму околотературной дочери, спас от кары убийцу ходатайством. Я в "Современнике" брать убийцу "на поруки" отказался, не обращая внимания на "подсказы" инструкторов... Убийца однажды сшиб меня, выпившего, с ног, мстя, поломал мне, распростертому, на руках пальцы каблуками. Иван Фотич Стаднюк посоветовал: "Пока терпи, "правда" на стороне Брежнева, могут прикончить!.." Иван Шевцов поддержал Стаднюка. А Иван Акулов подкрался в ресторане с ножницами к убийце и выстриг ему плешь. Убийца полгода не посещал ЦДЛ. Убийца, а застеснялся:

- Как мне быть?..

- Не убивать!.. - рекомендовал Акулов, стрекоча ножницами.

Динамит иногда я ощущаю в груди, и если наброшусь на рыхлеющего убийцу - евреи виноваты? Хватит. Мы сами - не краше тех, кого виноватим, а в чем-то близки тем, кто промотал за веками отчую землю, и еле-еле возвращаем ее. Мы теряем Россию. Русский народ монголы так не рассекали кривыми мечами, как рассекли масонствующие ленинцы, генсеки и президенты.

Не надо бояться - иди прямо! Не надо уступать русского достоинства интернациональным ордынцам. Они в русском искусстве, в политике, в экономике -кожзаменители на прилавке, а в ЧК - садисты. Доблестные евреи, помогите нам, доблестным русским, избавиться от них в Кремле и в ЦДЛ! Помогите - себе поможете!..

Но тайной сволочи нет: присмотрись повнимательнее - угадаешь, назовешь ее... Про меня распространял слухи графоман Дроздов. Когда-то он захаживал, в Москве, к нам в дом, подсаживался к моей матери и бередил тяжкую долю старушки:

- Анна Ефимовна, а руки, руки-то у вас долго трудившегося человека, а глаза-то очень, очень горькие, пережили много?..

- Пережили, сынок, пережили!..

- Анна Ефимовна, а для газеты вас нельзя сфотографировать?

- Нельзя, я не для газеты, для газеты я не нужна...

Дроздов ухмылялся. Мордастый и жабообразный, как Микола Фасонов, и такой же размятый, Дроздов также кляузничал в своих темных писаниях на людей.

Помню, я рассказал ему про аттестат зрелости, выданный мне директором школы рабочей молодежи, хотя я и не сдал алгебру и тригонометрию. Дроздов сочинил воззвание по моему "преступлению" и прокатывал это воззвание на ксероксе у Федора Гавриловича Крыльцова, академика, в НИИ, расклеивая на зданиях редакций ЦК КПСС и КПК.

Маразм. Государственный маразм - борьба за "чистоту рядов партии" среди тех, кто прожирает партию и народную власть. Дроздов - помощник у Василия Сталина. Дроздов - собкор "Известий" у Аджубея. Дроздов - литправщик у академика, медика. Дроздов - наказан за мародерство на войне...

Руки моей мамы - мужичьи, в щербинах и оспинах от кондовой работы косою и вилами, топором и лопатой. Вот и думал я: "Мамиными руками-то, тяжеленными и добрыми ладонями ее, выхлестать бы по гладкой партийной роже тебя, Дроздов, а?.."

Политбюровские дроздовы, грызясь и кляузничая между собою, разломали великую державу, а теперь с экрана просвещают нас: "Связи экономические рвать нельзя, республики сильно интегрированы!.."

О, разве они, разве политбюровские дроздовы правят? Нет. Но кто, какая гнида правит ими? Кто не дает покоя народу?..

* * *

Какой же русский не любит быстрой езды? Какой же русский не цапнется и не завраждует до гробовой доски с другом, братом, единомышленником? Таких русских не найдешь: алмазные самородки - Якутия давно вспахана, а в Африке западные демократы скупают за пачку сигарет у дикарей бесценные минералы.

Мария Соколова, дочь Михаила Александровича Шолохова, возглавила против меня, агента ЦРУ, борьбу. Муж ее, законспирированный охранник, положивший здоровье на правительственном пороге, Соколов, по непроверенным данным - родственник Соколова из КПК. Маша за что-то восточно обиделась на меня... За что? Бог ей судья. Возглавила борьбу: полетели звонки и телеграммы в имперские инстанции от Шолохова.

К ней подключились и, как Емельяну Пугачеву сподвижники, были верны ей, но до грани "крушения", в издательстве, глухой, косой и горбатый. Их так и называли: Глухой, Косой, Горбатый. Один - не слышал. Другой - не видел. Третий - не распрямлялся. Думаю: напакостили они много людям, вот и Бог вразумлял их: кого - глушил, кого - окосевывал, кого - горбил. А кляузничая на меня - слышали, видели, стройнели!.. Атлеты.

Редактируя "Тихий Дон" Маша допустила более ста шестидесяти семи ошибок, я приказал высчитать с нее 3 рубля 51 копейку. Борьба со мною и началась. А тут - "инвалиды" подоспели. Ревнуя Машу к отцу, знаменитому классику и герою, шукая, чем возможно разжиться возле нее, они следили за мной, за ней, за ее меняющимися знакомыми... И - за ее мужем. Сторож, потерявший зубы на охранах "видных фигур", тайно завидовал им: самородки, алмазные зерна!

Каждая напечатанная моя строка - доносилась. Каждый полученный мною гонорар, подсчитывался. Каждая женщина, улыбнувшаяся мне, зачислялась в мои любовницы. Сотрудники и редакторы газет и журналов, где я публиковался, пристегивались к "использованию мною служебного положения"... Возражать нельзя: зажим критики.

Маша гусарила на поле брани. Министры, маршалы, секретари ЦК, члены Политбюро ввертывались именем Шолохова в сражение со мною. Вал нарастал и грозил. При ударе - я упал, а Машу и убогих вообще куда-то унесло. Нет и поныне.

А где публиковаться, как не в газетах и журналах? А там сидят поэты или прозаики. Пропал... Не публикуй их и сам у них не публикуйся - настоящий партиец. А не настоящие партийцы - инструкторы ЦК КПСС и генсеки публикуются везде, как мыши, в каждой норе шуршат. И - нормально, а тут опубликовался - нагрянула к тебе комиссия. Из всех моих публикаций - недостойнейшая:

Прекратить иностранные, вражьи побаски! -

Закусил околочный

Смачно вожжу:

- Самодержцу-то я

Не по чьей-то указке.

По велению сердца

И долга с-служу!..

"...Мы пишем не по чьей-то указке, а по велению сердец, а сердца наши принадлежат партии!" - из цитаты Михаила Александровича Шолохова. Строфа моя каллиграфическим почерком была переписана и отослана "заказной бандеролью" в Вешки. К строфе - перечень расшифровок, интерпретаций, указаний и на более "гнусные проказы" мои.

Но молва, позорная склока или донской лихой рысак унес воинственную Марию Антуанетту? Унес ее, и КПК рухнул. Сегодня бы КПК осуждали за неправомерное вмешательство в работу писательского издательства, за игнорирование мнения коллектива, за наглое копание и передергивание моей рабочей биографии. Сегодня КПК -чудовище. Вымерший бронтозавр в Гоби.

Но уцелело его, КПК, нелегальное ублюдковое мурло: "Я с-слежу за ж-женою, с-слежу!.. Я уж-же нащупал н-нить, я из-з-зловлю гадину и нак-к-кажу!.." Это - столичный литератор Микола, втолкнувший мною в СП, заколотивший деньгу на актах и протоколах КПК. Нанятый КПК сексот. Бог есть. Бог ему "потрафил" подлость свою "увековечить" и взирать на нее до смертного часа...

Супруг Маши - со странностями. Выпив, обожал рассказывать, как он срезал головы гусям в сарае, с победой войдя в Венгрию: "Взмахну косоюб а гуси пригнутся, а я их и надуваю, сделаю нежный вид, они и вскинутся, а я раз -штук пятнадцать сразу, чик!.."

Можно догадываться: венгры не чаяли души в нем, - добрый и находчивый солдат Красной Армии! Рассказывая о срезании гусей, ему было уже за шестьдесят, а ей чуть за тридцать, дряхлый, под Брежнева, супруг ни с того, ни с сего начинал укатываться и взвизгивать: "Сижу я в Вешках в сортире, орлом сижу, и дремаю -лето, жара, хотя, утречком, ветерочек поддувает. Свобода. Широта, размах степной, воля! Мечтаю, куда спешить? Процесс идет нормально... И вдруг меня, понимаете, обе мои груши и сучок, в

корень, в корень, и обе груши огнем тонким прожгло, струны вроде через них продернули и в таком напряжении законсервировали. Жжет, шары на лоб лезут, струны натягиваются, но пока не звенят...

Я вскочил со стульчака и, заорав, кинулся к забору, а у забора меня огонь сжал, крутанул и окончательно свалил. А брюки-то не застегнуты и на галошах болтаются, на ступнях, как путо на мерине. Потерял сознание и сам срезанным гусем ткнулся в лопухи. Очнулся - котенок поскребывает мои груши и сучок: "Мяу, мяу!.." Я хватя его за шиворот и - туда, где он за мои груши и сучок зацепился, не причиняй боль другим, хы-ы!.."

После этого супруг Маши переходил к Тегерану, к шаху Ирана: "Шах на аэродром - я пистолет под груши и сучок. Шах шаг - я шаг. Шах трусцой - я трусцой. Сработались... Шах в сортир - я в сортир, но за его груши и сучок блудный котенок не зацеплялся, туалет настоящий, из спецкирпича и спецкерамики художественной, а не из ерунды!"

Горбатый косился. Косой горбился. А Глухой немел. Супруг впадал в хмельной уклон: "Кто из вас, кобели, мою Марусю тягает за титьки, а?.. Ты, Горбатый? Ты, Косой? Ты, Глухой, кто, а?.. - Супруг нетрезво приближается к нейтральному оболдую, убийце, Вовке Долбышеву: - Ты тягаешь, тюремная харя?.."

Косой, Глухой и Горбатый злорадно оживлялись и перемигивались за столом у гостеприимной Марии Михайловны. День ее рождения - весело. Убийца, смуглый, азиатоскулый, в белой интеллигентной рубашке, затаивался между мною и Миколой, похожим на болотную жабу романистом, дрожал. А супруг медленно, медленно разрывал, с ворота, по ленточкам, на нем белую рубашку, пуская по ветру за окно: "- С-сука!.."

Маше хотелось покраснеть в такую неудобную минуту, но краска смущения замораживалась где-то внутри ее безгрешного организма, а раздраженный супруг орал: "Я те-е убью, удава!.." -Застолье истощалось. И мы возвращались из гостей.

Прозаик Микола, нанятый КПК, бледный и ошарашенный, приставал ко мне: "В-о-от бы мою с-стер-рву, как гусыню, с-ср-резать, и-и-и-!.." Прощаясь у Маши, я замечал возле себя блондинистую укающую куклу, гражданку. Она, ни звука не проронив,

выдерживала гулянку, а потом приклеивалась ко мне и сопровождала, укая. Маша ненавистно пресекала подругу шипением обиженной гусыни, не тронутой лезвием косы, и властно целовала меня, пропустив супруга вперед, за Глухим, Косым и Горбатым.

Я радовался, что я не убил человека, что на мне не белая рубашка, что рвать ее на узкие ленточки супруг Марии не намеревается. На следующий день я терпел нотации от Ивана Ивановича Акулова:

"Дундук ты, дундук!.. Маше ты нравишься, а не, конечно, убийца, она же за своим идиотом оскудела, чует масленицу в тебе, а того болвана ее, кот и треплет за умершие подвески... Женись на Маше - соцгероем сделают тебя, дундука... Не хочешь, жену любишь? Правильно. Жени тогда на Маше Юру Адрианова. Тихоня? Канет, как тот котенок... Жени Суздалева на ней, этот их до икоты запугает всех, включая и убийцу, жени!.."

А на работу ко мне, всовываясь в косяки, заявлялся Микола, вытарашенно уточнял: "Н-на ком рвать мне р-р-убаху, н-на ком? У нее лю-ю-б-б-бовников, д-ю-ж-ж-жина!.."

- Рви на всех...

- За-р-рплата с-скромная... Н-не к-купить новых р-р-у-бах!..

А моя жена получала, на неделе, аккуратно запечатанную анонимку и замирала: "Ирина Александровна! Ваш муж в пятницу напился в доме у Соколовой. Пьяный и глупый, пристал к посторонней женщине с поцелуями. Соколова оттолкнула его от честной подруги, а он с поцелуями навалился на Соколову.

Скандал. Муж Соколовой, ревнивый и кадровый военный, дал вашему пощечину и вместе со своим другом Долбышевым и нами попытался выпихнуть хулигана из кухни. Ваш муж уперся, сами знаете, осел, опять скандал разгорелся.

Ваш муж снова поцеловал, улучив момент, Соколову. Соколова смутилась, а ее супруг влип в подозрительность и попытался в отместку вашему поцеловать собственную супругу, но ваш грубо нарушил равновесие, покачнул того и они оба облились лапшой. После чего супруг Маши разорвал на муже вашем белую рубашу, пришлось нам ночью купить ему новую..."

Жена моя, начитавшись "характеристики", принималась угрюмо разглядывать мою белую рубашу, которую я надевал несколько дней назад, а голубую, в которой был я у Соколовых, не замечала. Разглядывая мою невинную рубашу, жена соглашалась: "Да, рубашка не твоя, подменили, сволочи, та лучше, и нитка у той оригинальнее, подменили. А где наша?.."

- Что?..

- Наша рубашка где?..

В КПК такие кляузы не давали мне читать. С них снимали десятки копий, тиражировали, рассылали секретно, по обкомам и райкомам КПСС, выцеживая из них главное, суть, и вносили в общее "Дело", беря с меня подпись на документе, как положено следователям. Факт - есть факт, не увильнешь.

Надоел мне КПК и я сострил следователю:

Как будто

Из-под колпака,

Я вылез

Из-под КПК!..

Соколов заставил меня воспроизвести эту строфу и снял с нее несколько копий, заверил их печатью и предложил мне оставить "факсимиле" на них. Не шутил.

Брежнев, наградив Шолохова очередной соцгеройской звездой, решил открыть ему возле его родной кринички бронзовый бюст. Бравый и внушительный, бюст взлетел на постаменте-стеле. С него устремил пророческий партийный взгляд в будущее советский классик, до сих пор кое-кем завистливо обвиняемый в плагиате. Зависть - язва планетарная. Зависть - раковая опухоль.

Дряхлый, почти как его зять-дзержинец, или как генсек Брежнев, классик обошел бюст вокруг, ткнулся реденькими сединками в бронзовую грудь и зарыдал:

- Ах, какой я молодой-то был!..

- У!.. - поддержали Зимянин и Беяев, кремлевцы. Классик прослезился. Маша протянула ему платочек, предварительно прослезившись тоже. Но дряхлого зятя не было. Маша отметить очередную соцгеройскую звезду родителя приехала с очередным супругом, свежим и еще не очень принятым, частая замена.

Присутствующие из ЦК КПСС, даже КПК поздравили Машу, но того лисьенюхого следователя, родственника ее мужа, не оказалось: травмирован очередным разводом дочери классика? А мой капэковский прозаик, сексот, стоял среди Косого, Глухого и Горбатого - и-и-х, и аплодировали!

Эпик Микола, заикаясь от волнения, и слово якобы произнес необыкновенное: "Дорогие земляки советского классика, уважаемые товарищи из ЦК КПСС, уважаемые товарищи из КПК, КГБ, МВД и славной армии! Сестры и же-жен-ы-ы, х-ма-а!.. Бронзовый бюст - памятник не только гениальному человеку и его эпохе, но и памятник нам, верности нашей классику, ура!.."

Все вскрикнули " ура" и побежали за столы. Ели и пили до отвала, причем - и товарищи земляки, и товарищи из ЦК КПСС, КПК, МВД, КГБ и славной армии. Гуляли, как на Машинной кухне, нараспашку. Но рубах не рвали ни на ком. Воспитанные.

- Дундук ты, дундук!.. - трунил Акулов.

- Не пригласили меня погладить бюст?

- Ладить надо было не бюст, а иное, да пораньше, и ты бы, не сомневаюсь, в соцгерои вылез, вылезли же подтиралы в генералы? Эх, Валя, Валя!..

Да, в шутке озорного Ивана Ивановича есть доза истины, есть. Но не каждому ведь шпиону метить в соцгерои? Кто виноват? Евреи. Мы, русские, известно - ангелы.

А смех-то в чем? Блондинка, тогда оценив отрицательно висение Маши на мне, впилась поцелуями в супруга Маши: "Не нервничай, милый!.." А "милый" и опупел, давай нацеловывать. А блондинка, оказывается, нравится Глухому. Глухой подскочил к супругу Маши и ну рвать на нем белую рубашку. Косой и Горбатый - помогать.

Дряхлому супругу "инсценировка" выгодна: впервые за долгие годы мужчину в нем подозревают! Ощущать такое, видимо, ему приятно, не как бежать из дощатого сортира с болтающимся и мяукающим котенком. В общем - поддельный аттестат зрелости!..

Но я и сегодня хулиганю. Хулиганство мое - веселье:

А мы не понимаем разве,

Страшней, чем атомный удар -

Чубайс, Бурбулис, Махарадзе

И отшараенный Гайдар.

Но мы и два, и три удара,

Четыре выдержим и пять,

Лишь нам сосватать за Гайдара

Попцова, этакую...

Ее никто уже не хочет,

А кто захочет - не сможет.

Вон Фридман-Козырев хохочет

И острова к японцам гнет.

Якунин Глеб, с крестом и в ризе,

Искал во время путча блох,

Его поймали на карнизе,

Вот так еврея треснул Бог.

А Ельцин закусил женьшенем

Стакан и гаркнул: "Мне везет!"

Давай его на Райке женим,

Пусть Мишка ваучер сосет.

Почетный фриц, интимник Папы,

Известный плут и господин!..

Зато у Ельцина два бабы

И тоже - ваучер один.

Ваучеры мы, ваучеры. Фуи. Терпим, а над нами измываются. Вскоре нашел меня звонком помощник Косыгина:

- Нельзя ли повесить в должности, назначить зав. редакцией, Соколову?..

- Она прогуливает месяцами, а потом отпуск творческий вымогает...

- Она писатель?..

- А кто ныне из деточек гениев не артист и не писатель?..

- Ясненько, ясненько, остерегайтесь наследников и наследниц!..

* * *

Комитет партийного контроля вытягивал из Солодина улики, что Сорокин занимается "переподготовкой" кадров Главлита, русифицирует их, а "Современник" активнее и шире создает по России националистическое течение, вовлекая в него русских литераторов, сколачивая "структуры" воздействия на ленинское социалистическое общество в целом.

И Шолохов нужен был КПК - громить нас, не успевших одепутатиться и огероиться, истаскаться на трибунах и на встречах с высшими чинами страны. КПК не трогал жрецов-грабителей, гнавших непрерывно свои собрания сочинений - Симонова, Михалкова, Нагибина, Чаковского, Полевого, Алексина, Кожевникова, Быкова, Данина, Гранина, Ананьева, Бакланова, Айтматова, не трогал сов-глашатаев - Рождественского, Евтушенко, Сулейменова, Вознесенского, не трогал и русских "патриотов", трусливо скулящих о России, но издающихся не реже "интернационалистов"... Бог с ними.

КПК громил нас, пытавшихся "просигналить" русским о гибели России, громил — становящихся на ноги в жизни и творчестве, громил нищих и свободных "за злоупотребление властью и стяжательство", прикрывая шумом о нас золотозобых воров

и хапуг, показывающих КПК дулю, хохмящих над КПК личных приятелей и застольников Леонида Ильича Брежнева, преподносящих ему и его вассалам алмазные ожерелья и золотые клинки.

Защита “Современника” многими благородными писателями не принесла нам пользы, а лишь обострила к нам неприязнь одепутатенных и огероенных лакеев. Еще бы — иначе думаем и пишем, иначе держимся с КПК и ЦК КПСС.

И Микола, Коля Фасонов, подневольный. Квартиру ему посулили получше, поспособствовали с публикациями, приблизили к замкнутому кварталу ЦК КПСС, даже инструктор принял его и проговорил с ним около минуты о его романе. Микола бежал, скакал и радовался. Белка в колесе, как Мария Соколова: сучи лапками, сучи, а впереди – грех чёрный!..

Русских легко расколоть, запугать, купить, легко их натравить, “партию на партию”, и они, русские, мы, русские, будем драться и грызться до скончания: нет нам равных в изобретении гадостей самим себе, мы — народ интересный, себе самому чужой.

Видя, как погибает моя любимая Россия, терзаясь ее скорбями и недугами, иногда я жалею: “Ну, зачем, зачем я русский, зачем я не могу забыть свою русскую мать, отца русского своего, зачем их молитвенные глаза в мои глядят и прожигают душу мою? Зачем я плачу у крестов иobeliskов русских, попранных отечественными подлецами и расшатанных на корню?..”

Какой враг, какой предатель нас покачнул бы, если бы мы сами не качались и не предавали? Кто бы нас мог спойть, если бы мы сами не заливали разум водкой? Кто бы у нас отобрал землю и свободу, если бы мы сами не отдали, кто? Силы такой нет, врагов таких нет. Есть наше, русское, предательство, воров и хапуги есть, иуды русскоязычные!..

Михаил Александрович Шолохов непревзойденный прозаик, мыслитель, ему ли до грязи дело? Значит, нашли «стёжку», ошушукали, исковеркали и осмеяли меня перед ним, а потом озлобили его на меня и, думаю, за него сочинили письма, телеграммы, требования, за него – пальцами карманников, совестью убийц, энергией бесов,

обожающих русское несчастье: растоптанную национальную честь нашу, поверженную.

Я терпел, молчал, скрипел зубами, Но стоял и стоял, не бежать же мне за границу, не диссидентствовать? Или забыть, бросить курицу, утонувшую в подзолистой русской пыли, корову, привязанную к поломанному кривому штакетнику, бабушкин колодец, заплеванный негодьями и заросший лопухами посреди уничтоженной геноцидом русской деревни, — ну как забыть и бросить это?

Мы — смирные, мы — уступчивые, мы — прощающие, мы — не представляющие опасности для обнаглевшего хама, палача, хозяина, явившегося к нам за расстрельником и раскулачивателем, потому и не дрогнем, выстрадаем, вникнем в собственный разор и скинем возбужденных оккупантов, отупевших от нашей крови и нашей податливости, скинем и горницы после них проветрим!

С ленинских времен каждый новый вождь КПСС и всего прогрессивного человечества прикрывался перед своим народом, страной своей именами писателей и артистов, философов и ученых: шел к коммунизму, окруженный ими, но маненько впереди, правда, наиболее подтягивающие вождю бежали почти рядом с ним.

Вспомните Женю Гангнуса: терся возле брюк толстого и влажного Хрущева, а сняли Хрущева — возле жирных бровей Брежнева, сняли Брежнева, похоронили, Евтушенко нащупал тайный ход, подземный, к скелетомощному Андропову, успев улыбнуться Черненко, трибун звенел тарелками у Михаила Горбачева на кухне. Обрусевший Демьян...

А в августовскую народную революцию, с лицом Ростроповича, поэт Евгений Евтушенко влез на “броневик” с речью, сзади Бориса Николаевича Ельцина, уникального ленинца сегодня... Вожди, генсеки не появлялись “голыми” на публике, их окружали алмазные, золотые, бриллиантовые творческие свиты, деятели культуры, пресмыкающиеся перед тронными страдальцами за свободу и радостную судьбу трудящихся.

Эти лирики, эти эпика, эти баталлисты, приседающие подле генсеков и семенящие по их революционному следу, выли и воют длинно и противно, как осиротевшие ангинные суки, когда очередной вождь смещен или погребен, боятся: вдруг вместе с вождем

снимут или похоронят их блага, их ордена, их бессовестные звания и авторитеты.

Мы устали наблюдать заикающееся заискивание, продажничество, подличание “ельцинских подданных”, холуев от “искусства”, доносящих на тех, кто не гнется в три погибели перед султаном, вчерашним первым секретарем МГК КПСС, кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС Борисом Николаевичем Ельциным, верным наследником кровавого правления Свердловых и юровских, испытавших на нас тюрьмы и жандармские изуверства, ни перед чем не останавливающихся прорабов, даже — перед избиением беззащитных первомайских демонстрантов на Ленинском проспекте, ни перед чем.

Кто не награждал Евгения Евтушенко медалями и орденами, залами, экранами, разве только Черненко — не успел? При ком Евтушенко не котировался, не выдвигался, не побеждал? вспомните его депутатство, его выходы из ворот Спасской башни разоблачать в толпе обобранных и теснимых русских людей красно-коричневых, антисемитов, фашистов — иезуит.

А Черниченко? Напялить бы на Евгения Евтушенко и на Юрия Черниченко краснопогонные мундиры: кровь на плечах и по брюкам — лампы, монгольские стрелы кровавые! Осташвили — к суду, Евсеева — к суду, Бегуна — к суду, а за что? За статьи и устные выступления против антирусского засилья, антирусского полицейского бреда? Назовите мне русского поэта, кто не внесен в список антисемитов, назовите. Не назовете.

Евтушенко, Черниченко, а за ними — Адамович. Заехал в Москву из Минска, утомившись воспитывать и травить Владимира Бегуна, заехал к русским и давай их загонять в антисемиты. Вот гость так гость, хозяина вытурит из квартиры и не моргнет.

Молчат, а ведь призывали судить нас. Молчат — разорили страну вместе с Горбачевым, Яковлевым, Шеварднадзе, Ельциным, Кравчуком, Шушкевичем, вместе с прихлебателями, бесчестными и неисправимыми. И удивляться ли присобачиванию имени Шолохова к капэковской своре и склоке? Шолохов — настоящий генерал. Верховным Советом СССР названный и утвержденный. Какие шавки повякивали возле гения — мне ли будет когда известно?

Эти-то интернационалисты-то, распахнутые и честнейшие-то, рвались в генералы, а их не пустили. Кишка тонка. Да и перегнули палку: уж очень судить русских патриотов требовали — обнаглели. А я вот, например, за любые их оскорбления не подам на них в суд. Лучший суд — сопротивление и прощение, суд временем.

А Шолохов – генерал, Шолохов – маршал, Шолохов – генералиссимус в литературе. Симонов перед ним дрожал, а Чаковский и Михалков робели в кабинет к нему постучаться. Лишь Гангнус, в молодости, пронырнул к нему, как на прием к Брежневу, ух и налим, скользит, извивается – до США дырку пробуравил и греется в центре калифорнийского пляжа на вывезенном уральском малахите, грустя о тельявливской площади имени Евгения Евтушенко...

Александр Трифонович Твардовский пишет в биографии: мать его, догадавшись о желании сына стать поэтом, тихо плакала, слыша и зная — поэты вечно нищенствуют и с правителями дерутся. А мой отец, затравленный и дважды раскулаченный, серьезно меня уговаривал: “Учись, Валентин, учись на прокурора, да начнешь их, мерзавцев и воров, растлителей и палачей, выдергивать на скамью подсудимых, учись, убью, коли не выдержишь!..” Отец хватал гармошку и разводил мехи, запевая. Пел, а слезы душили его:

Когда б имел золотые горы

И реки, полные вина,

Все отдал бы-ы-ы!..

Действительно, что он не отдал? Восемнадцатилетним попал в штаб Каширина на допрос — отказался сдать красную лошадь. Отец уже имел семью, пахал, сеял, молотил: кормил дом и двор свой. Забрав отца, красные прислонили его к дереву — расстреливать начали. А мать, беременная, на сносях, в сани — и стегать ту лошадь. Доскакала до леса. Кинулась в ноги солдатам — помиловали: троим жизнь вернули, отцу, матери и ребенку, еще не рожденному на белый свет. А собирались и мать кокнуть.

Но приволокли отца в штаб, к большевику Каширину. Приволокли и мать, а лошадь у них, на радостях, отобрали с упряжью. Сидит отец на скамейке в избе и кулаками глаза протирает — жив и побит не грубо, не прикладами. Сидит мать и тоже кулаками глаза протирает — довольна, отца спасла, хотя и лошади с упряжью лишилась. Зима устала от русской крови — тепло. За окнами избы снег, а в избе — лето: накурено и чабрецом пахнет. Это — двери постоянно хлопают и чабрец веет и веет, пучками связанный на чердаке.

— Фамилия? — Каширин заскрипел кожанкой.

— Сорокин!.. - А ты?..

— И я Сорокина!.. — наивно удивилась мать.

— Не успела родить еще, а уже Сорокина?.. — строго пошутил командир...

— Кто у вас отобрал коня?.. — побагровел Каширин.

— Не знаю...

— Ну?..

—И я не знаю...

—Запуганы?..

Командир поскрипел кожанкой и помощникам как гаркнет:

— Сорокиных нельзя обижать! Сорокины мед, хлеб, лес, коней на Урале поставляют, нельзя обижать! За Сорокиных я сам пристрелю, сам!.. — Могучий и ярый, он ударил по прочному деревенскому столу железной копытообразной ладонью, но стол, крякнув, не развалился, что и окончательно одобродушило командира: — Посадите их в сани и отправьте! — Повернулся к отцу: — Э, казак, раскис и разнюнился! — К матери повернулся: — Рожать-то тебе не даем, воюем, да?..

Мать поклонилась Каширину. Во дворе ждала их почетная сенсация: лошадь рысью тронула, кинулась и в момент поворота на тракт над папой и над мамой, низко над их головами, раздались три винтовочные выстрела, ранее предназначенные для трех жизней, трех смертей, а теперь салютующих безвинным русским пахарям и сеятелям...

Прокурор из меня не получился. А преступник — явный. Брежнев аж на Политбюро однажды обмолвился: “Сорокина мало наказали!” Мало. Надо кончать было со мной. Отца и мать отпустил Каширин, революционер настоящий, а эти, кремлевские хомяки, с бриллиантами за мешковатыми щеками, сына их сцапали за “неуплату” партвзносов и “поддельный” аттестат — академики. Выдающиеся теоретики марксизма-ленинизма, корифеи и вожди пролетариата, мартеповца изловили...

* * *

Жалеют ли Евтушенко и Черниченко, что они не генералы, я не знаю, но я жалею, что я не генерал, как, скажем, Шолохов, жалею, что я не маршал, как, скажем, Шапошников, бывший Главверх армий СНГ: перевернул бы я грязный котел России и вытряхнул бы отравное “варево” в бездну! А прокурор — прокурор, разве он сможет справиться с мафиями и с бандитами, окопавшимися на должностях в государстве?

В гимнастерках и галифе, фуражках, шинелях и сапогах, под Сталина, щеголяли Тихонов и Фадеев, Шолохов и Эренбург, Закруткин и Полевой, Симонов и Твардовский. Если и не под Сталина — опять достойно: войну промаршировали за батальонами и полками. На военный атакующий лад и восстановительный ритм хозяйства пером журналиста нацеливали, партии, верные подручные, служили.

Бог сжалился над ними — прибрал их до позора, до катастрофы: когда полупьяная орава завихривала бумажный буран в зданиях ЦК КПСС, высовывая из бесконечных коридоров и выпирая на свежий воздух разлагающихся инструкторов и зам-завов. Завы и члены смылись загодя. Ужас — ни один коммунист не вступился за святую цитадель. А главный комиссар Москвы Прокофьев, первый секретарь МГК КПСС, из пионервожатых, бежал, не оглядываясь на горком, и ныне в партизанах: скрывается.

А наиглавнейший революционер, генсек Горбачев, разинет рот на экране и — шлеп, шлеп карломарксовыми губами: “Я за приоритет социализма, я за социалистический выбор!..” Приоритет он попутал с приватизацией, а выбор попутал с воровством, уведя целый табун домов, присвоив их, в Москве, как соску мамкину или комсомольский значок. Микола и Микола сексот. Разинет рот — жаба и жаба.

И мы хороши: в каждом из нас — жаба. Михаил Горбачев или Микола Фасонов — какая разница? Мы не уберегли великую страну, державу мирового класса, позволили уничтожить ее жабам. Губами жабыми сами ее и прошлепали, а сваливаем на кого-то.

Из-за усобицы ведь стало насилие

от земли Половецкой!

Прорабствующие половцы. Куда бы их дел Каширин? Но не Каширин их победил, а они победили Каширина.

Мы еще и еще возвратимся к десятилетиям, контролируемым когда-то ленинцами, возвратимся, ныне ошеломленные навалившейся на нас нищетой, более бесправной и более истребляющей нас, чем когда-то. Ее, как лавину с гор, обрушили на нас внуки и правнуки “интернационалистов”, успокоившихся у Кремля...

С народом они воевали. С Россией воевали. С миром воевали. Да и между собою воевали. А Есенин восклицал:

Цветите, юные! И здоровейте телом!

У вас иная жизнь, у вас другой напев.

Надеялся на скорую уравновешенность быта, на скорый нормальный день. Но другого

напева не получилось. Другой напев — короткий напев... Его перечеркнули молитвы и крики расстрелянных, его унесли на штыках атакующие солдаты. Его заглушили вздохи и рыдания матерей. Не получился другой напев.

Вчера — штурм Зимнего. Сегодня — штурм Дома Советов. В какой стране творится подобный произвол? Бэтээры в несколько рядов окружили Дом Советов. Прицелились. И гаркнули дула орудий. В каждое окно — снаряд. В каждую дверь — снаряд. Пламенеет и дымит беломраморный Дом Советов. С чем сравнить его? С Чернобылем? С крематорием?

А кто же расстрелял Дом Советов? Президент России Ельцин. Расстрелял депутатов, избаловавших его дополнительными, специальными, особыми, неотложными, чрезвычайными полномочиями. Выросший и возмужавший под пионерскими и комсомольскими и партсекретарскими начальниками, он, ленинец, да, да, он, и никто больше, он приказал уничтожить революцию революцией!..

Циники. Хвостатые бесы. Изобретают. Утверждают. Строят. Взрывают. И — снова призывают? Это — Бог не прощает им злодейств их. Бог не дает гарантии им на полезность их мероприятий и стихий, переворотов и потрясений. Не дает. Кровавят бесы нас и детей наших. Но и сами застревают в кровавом колесе робота-демократа, шагающего на безвинный народ с автоматом. А ответственность за кровавую вакханалию сионистствующее кодро перекладывает на русский народ, по-упырьи обслюнивая желчью его патриотов.

Оккупанты оглашают ягодовский талмуд:

“ПИСАТЕЛИ ТРЕБУЮТ ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕШИТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ”

“Известия” получили текст обращения к согражданам большой группы известных литераторов. В нем говорится:

Нет ни желания, ни необходимости подробно комментировать то, что случилось в Москве 3 октября. Произошло то, что не могло не произойти из-за наших с вами беспечности и глупости, — фашисты взяли за оружие, пытались захватить власть. Слава Богу, армия и правоохранительные органы оказались с народом, не раскололись, не позволили перерасти кровавой аванюре в гибельную гражданскую войну, ну а если бы вдруг?.. Нам некого было бы винить, кроме самих себя. Мы “жалостливо” умоляли после августовского путча не “мстить”, не “наказывать”, не “запрещать”, не “закрывать”, не “заниматься поисками ведьм”. Нам очень хотелось быть добрыми, великодушными, терпимыми. Добрыми... К кому? К убийцам? Терпимыми... К кому? К фашизму?

И “ведьмы”, а вернее — красно-коричневые оборотни, наглея от безнаказанности, оклеивали на глазах милиции стены своими ядовитыми листками, грязно оскорбляя народ, государство, его законных руководителей, сладострастно объясняя, как именно они будут всех нас вешать... Что тут говорить?.. Хватит говорить... Пора научиться действовать... Эти тупые негодяи уважают только силу. Так не пора ли ее продемонстрировать нашей юной, но уже, как мы вновь с радостным удивлением убедились, достаточно окрепшей демократии?

Мы не призываем ни к мести, ни к жестокости, хотя скорбь о новых невинных жертвах и гнев к хладнокровным их палачам переполняют наши (как, наверно, и ваши) сердца. Но... хватит! Мы не можем позволить, чтобы судьба народа, судьба демократии и дальше зависела от воли кучки идеологических пройдох и политических авантюристов.

Мы должны на этот раз жестко потребовать от правительства и президента то, что они должны были (вместе с нами) сделать давно, но не сделали:

1. Все виды коммунистических и националистических партий, фронтов и объединений

должны быть распущены указом президента.

2. Все незаконные, а тем более вооруженные объединения и группы должны быть выявлены и разогнаны (с привлечением к уголовной ответственности, когда к этому обязывает закон).

3. Законодательство, предусматривающее жесткие санкции за пропаганду фашизма, шовинизма, расовой ненависти, за призывы к насилию и жестокости, должно, наконец, заработать. Прокуроры, следователи и судьи, покровительствующие такого рода общественно опасным преступлениям, должны незамедлительно отстраняться от работы.

4. Органы печати, изо дня в день возбуждающие ненависть, призывающие к насилию и являющиеся, на наш взгляд, одним из главных организаторов и виновников происшедшей трагедии (и потенциальными виновниками множества будущих), такие, как “День”, “Правда”, “Советская Россия”, “Литературная Россия” (а также телепрограмма “600 секунд”), и ряд других должны быть впредь до судебного разбирательства закрыты.

5. Деятельность органов советской власти, отказавшихся подчиняться законной власти России, должна быть приостановлена.

6. Мы все сообща должны не допустить, чтобы суд над организаторами и участниками кровавой драмы в Москве не стал похожим на тот позорный фарс, который именуют “судом над ГКЧП”.

7. Признать нелегитимным не только Съезд народных депутатов, Верховный Совет, но и все образованные ими органы (в том числе и Конституционный Суд).

История еще раз предоставила нам шанс сделать широкий шаг к демократии и цивилизованности. Не упустим же такой шанс еще раз, как это было уже не однажды!

Алесь Адамович, Анатолий Ананьев, Артем Афиногенов, Белла Ахмадулина, Григорий Бакланов, Зорий Балаян, Татьяна Бек, Александр Борщаговский, Василь Быков, Борис Васильев, Александр Гельман, Даниил Гранин, Юрий Давыдов, Даниил Данин, Андрей Дементьев, Михаил Дудин, Александр Иванов, Эдмунд Иодковский, Римма Казакова, Сергей Каледин, Юрий Карякин, Яков Костюковский, Татьяна Кузовлева, Александр Кушнер, Юрий Левитанский, академик Д. С. Лихачев, Юрий Нагибин, Андрей Нуйкин, Булат Окуджава, Валентин Оскоцкий, Григорий Поженян, Анатолий Приставкин, Лев Разгон, Александр Рекемчук, Роберт Рождественский, Владимир Савельев, Василий Селюнин, Юрий Черниченко, Андрей Чернов, Мариэтта Чудакова, Михаил Чудаки, Виктор Астафьев.

“Известия”, 5 октября 1993 г.

Под этим ягодовским заявлением две-три подписи русских, остальные — возмущение “элементов, к ядру не прикипевших”, но, как их предшественники, в кожанках да с кобурой, хронически и последовательно раздражаемые аппетитом на русскую кровь, на русский уклад существования...

Призывал же Джек Алтаузен расстрелять нас, а Эдуард Багрицкий насиловать дуру Россию. Вера Инбер и Маргарита Алигер сквозь ближневосточные очки улавливали в Павле Васильеве, Борисе Корнилове и Борисе Ручьеве, русских поэтах, шовинизм и фашизм: их натренированные дамские подозрения кровавым букетом в известьевском заявлении заблагоухали. Как не стыдно академику Лихачеву? Как не стыдно белорусу Быкову? Василь Быков — иностранец, а заявляет и требует в чужой стране, как у себя на кухне. Таможенник...

Имя Виктора Астафьева — последнее в заявлении. Колебался? Вряд ли! Но если бы под заявлением не добились они имени Виктора Астафьева, их заявление было бы не менее стукаческим.

Вот где — национализм, вот где — шовинизм, вот где — фашизм, вот где — бешеная остервенелость пауков, натисковое сумасшествие вампиров! Как русскому человеку,

русскому писателю остаться русским в России, оккупированной смершовцами, ээсовцами?

Храни нас, Бог, от ненависти к чужому обиходу и укладу, к чужому бытию и чужой культуре. А за свой нрав и дом, за свою русскую судьбу нам ли не поспорить и, коли есть необходимость, нам ли не сразиться? Только Родина, только Россия — впереди, за нее ли умереть обидно? Я готов примириться с каждым, кто к доброте повернулся, но пусть иноземная зараза не лапает мою русскую беду!..

* * *

Альберт Беляев вызвал на ковер отдела культуры ЦК КПСС Воронова Николая Павловича:

- Когда прекратишь оборонять "Современник"?

- Никогда, лучшее издательство у нас.

- Партии дорог покой Шолохова, советского классика, понял?

- Понял. А покой других писателей?

- Вы все, считает партия, одного Михаила Александровича не стоите!

- Покой классика нарушает дочь классика.

- Молчи! - прикрикнул Беляев.

В те времена не только Беляев, но и мелкий цэковский клерк мог вести диалог с рядовым коммунистом от имени партии. Кто в ЦК - тот и партия. Но отлучая нас от партии повелеваниями и одергиваниями, они отлучали от нее себя, а ее - от народа, от жизни отлучали. Готовили ей, умники и службисты, горбачевскую гильотину...

Шолохова же оставили "тет-а-тет" с ЦК, потом - с бронзовым бюстом, с отлитым идиотом из чугуна и железа, идиотом, каких они отливали себе. Бюсты, бюсты, а партия и страна дышали кончиной, мафии и кланы рассеивали и утверждали по кремлевским и министерским кабинетам воров: торжище на могиле великой державы разогревали Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе, Ельцин.

Банда, отняв у великого народа великую Родину, разбежалась по губерниям и республикам делать "независимые государства", продолжать идею бюстов -увековечиваться на слезах и смертях людей:

Время мое приспело,

Не страшен мне лязг кнута.

Тело, Христово тело.

Выплюываю из рта.

Веру, Бога скормили взбешенному голоду, охваченному расстрельным ужасом. Новый Троцкий грядет. Новый предатель Горбачев маячит... Что завтра нас ожидает? Есенинское страдание - в народе.

Пытанные жестокостью - немилосердны. А спасенные внимательной добротой - забывчивы. Мне ли оправдываться перед Шолоховым? Мне ли низгу на его памятник насыпать? Свет "Тихого Дона" вечен, если вечна Россия.

Мы с Машей молоды были - себя насмешили, а близких осерчать принудили. В Москве, на суде КПК, сердце мое медным колоколом гудело, на Урале мать моя, Анна Ефимовна, стон его в полночь ловила. Свечку за меня Богу теплила. Свет, свет добывала, да на святой старинной воде воском плавленным тоску мою замуровывала. Показала чью-то, напущенную на меня, язву, и в белых всполохах зимы утопила.

Оперся я на обшарпанные отцовские костыли, оперся, пораженный, и заново приподнялся. Здравствуй, улыбка!.. Слез-то и без моих - море. Оно шумит, как вьюга, и, как мать моя причитает. Но плакать поздно: журавли мои откурлыкали, а цветы мои в туман лепестками сыпались. И Шолохов не виноват!

Вьюга. Вьюга. Завоет - грустная луна спрячется. Мороз ударит - месяц монгольским ятаганом на острие задрожит. И желтая конница хлынет из киргизских степей к рязанским березам. Сизый иней опалит золотые кудри Сергея Есенина. Света, света ему не хватало:

Я тоже рос,

Несчастный и худой.

Средь жидких,

Тягостных рассветов,

Но если б встали все

Мальчишки чередой,

То были б тысячи

Прекраснейших поэтов.

Где они, изувеченные временем и жестокостью, мальчишки? Чья доброта спасла их?
Сизый иней, холод сизый не к медному колоколу, а к сердцу моему прикипел...

Литература - индивидуальная стезя. А поэтическая глубина на житейских перекатах не родится. Что дала мать, то в тебе, что перечувствовал, перестрадал, то в слове. И если ты в народе, а не в антинародной конституции - и жена, может, не загуляет, и стихи твои, может, напечатают, и евреи тебя, может, не затравят...

В дни горбачевского переворота священник Глеб Якунин, благословляя на подвиг Бориса Ельцина, намекнул на Сергия Радонежского и Дмитрия Донского. Но Сергей Радонежский и Дмитрий Донской собрали рать на Куликовом поле сразиться с полчищами чужеземцев, а Якунин и Ельцин на распре внутри единого народа, единой России, к славе пристегнулись: оба - кожзаменители. И никто из русских бодрствующих корифеев не отверг прозвучавшего срама, никто.

Судить пора не партию, а лидеров - от Ильича до Ильича, и далее - до Горбача, включая каскоголового палача. Судить партию, а была она? Рядовые ее солдаты - под обелисками, под безымянными холмиками, под колымской мерзлотою. Рядовые ее солдаты - в мартене, на пашне. Рядовые - и есть рядовые: вкалывай и давай лидерам взносы: Горбачев, известно, вокруг ее валютной "карты" не зря отирается. Лидер партии - предатель и палач партии.

Я, мятущийся, не вышел из КПСС. Пусть меня обыскивали шакалы Пельше, хлопая по ушам: "Ничего, ничего, положено у нас, положено!"... Пусть моих детей выкинули, ради мультимиллиардерши Онассис из квартиры ленинцы, не вышел. Пусть выговор с занесением у меня, не вышел. И встань на трибуне не Ивашко, не Горбачев, из породы "бессмысленно и тупо мигающих жаб", а Минин или Пожарский - вернутся тысячи и тысячи. Но пока - ивашки, пока - горбачевы...

Надо утишать всеобщую грызню. Примиряться надо. Прощения просить: земля поседела, осатанели мы. Колос пригнувается, ромашка в крови, села и города рассыпаются под минометом. Дети бегут от войны, а война настигает их. Родители умирают на грядке утлой усадьбы... И опять - могилы под окнами, под окнами, ну сколько же так?

Кляузы Сергея Смирнова ни в райкоме, и в ЦК КПСС не приняли серьезно, хотя следователь Комитета партийного контроля Соколов и зачитал их на суде КПК над нами. Принял серьезно кляузы Смирнова, Понкратова, Целищева и Горбунова Шолохов. В телеграммах "наверх" Михаил Александрович их имена называл "известными", пристегивал к их вялым именам победоносные эпитеты в наступлениях на меня.

А чего было на меня наступать? Меня бы и без его наступлений вскоре сняли, и не за "взносы", не за "аттестат", а за позицию "Современника", осмысленно-русскую.

Взносы я переплатил, нарушая последовательность, квартиру получил, подарив государству кооперативную, аттестат выдали новый, а Сергея Смирнова с пятой книгой,

о Ленине и Брежнев, чуток подзадержали - ЦК КПСС не скис бы, не слег от инфаркта? Кляузы калек ничего серьезного не сыграли бы в моей судьбе, кроме, разумеется, телеграмм Шолохова и писем Шолохова Брежневу, Пельше, Тяжельникову, на КПК и т. д.
...

В дни "демократического переворота" распаковывались "Дела", вскрывались сейфы, и "случайно" мне в руки передали протокол КПК - суда над нами, сданный "на вечное хранение" в министерскую контору, назначившую меня главным редактором "Современника", но вышвырнутый из сейфа за ненадобностью. Вчитываясь в протокол КПК, я хохочу: партподлецы сдали "на вечное хранение" потрясающее саморазоблачение. Нарочно не придумать.

Хохочу теперь, а тогда? Тогда за мной ползло обозначение гибели из трех обычных букв. Обозначение - унижение. Обозначение - страх. Обозначение" кара: КПК!.. Некоторые, заметив меня на площади или на тротуаре, спешили свернуть и пропасть за трамваем или за котлетным киоском, а некоторые - набрасывались в диспутах и дискуссиях, прочно зная: ничего за меня им не будет - прокаженный: КПК!..

Поднимался я из-под КПК долго и трудно. Сердце мое кричало. Казалось, тяжкие бетонные плиты сбрасываю, сбрасываю с себя, а плечи дрожат и гнутся, дрожат и гнутся. Ухари, долбившие меня или насмехающиеся тогда надо мною - ликующие неврастеники: где им понять - чего мне стоило после железных ударов Шолохова подняться, выжить и вновь начать выступать в газетах и журналах? Недаром же меня обыскивали перед кабинетом Пельше: опасный? Прости меня, Шолохов. Прости меня, Маша.

Обжорство и надменность, неравенство и цинизм погубили Революцию и КПСС. В июле 1991 года Ю. Бондарев, В. Солоухин, М. Годенко, Ю. Прокушев, мы, собрались у могилы Василия Федорова на Кунцевском кладбище. Не очередной прижизненный бюст нахально открывали, а запоздалое надгробие великому русскому поэту, сибиряку.

Приехал В. Бакатин, его земляк, освобожденный с поста министра МВД СССР, тускловатый. И приехали цекисты. Их я отлично знал по ссорам с ними. Один - лохматый и сонный, другой - облезлый и сонный, а третий - юркий, умеренный чубчик, движения оптимистичные: косой, глухой и горбатый, тютелька в тютельку!..

Поговорили, Бакатин подошел к нам и попрощался со мной и с моей женою. А к цекистам приблизились мы: "Неужели не чувствуете, ведь порохом крушения веет?" - Лохматый обиделся на меня: "Не надо учить нас! Учить нас не надо!" - И те, облезлый и оптимист, те кивнули в такт лохматому: "Не надо учить нас!.."

Я жене говорю: "Гляди, сейчас они заберутся в персональные "Волги" и ни тебя, ни меня не пригласят, а мы ведь утомленные люди!.." Точно. Цекисты разместились, поерзали, как в "Чайке" Полозков, и отвернулись. А "Волги" их, вот уж настоящие-то чиновничьи собаки, показалось мне, гавкнули на Иру: "Гипертоник, а по кладбищам шляешься!.."

Цекисты сталкивались со мною по "преступлению" моему и по моей поэме о Г.К. Жукове, "Бессмертный маршал", запрещенной ими на тринадцать лет. Они имели представление о моем "русофильском" характере, а тут я еще и поучить их надумал. Оскорбление нанес деятелям. Сморщились.

Когда же Горбачев заложил их, КПСС и страну с потрохами - они перестали дремать на совещаниях и грызться при встречах, а заявили: "Мы теперь вместе будет сражаться за Россию!.." Борцы эти вчера меня, "шовиниста", топили, а сегодня меня уверяют в совместной принципиальной борьбе за Россию.

Разные они по виду и по натуре, но одеты были одинаково: в темных костюмах, в темных галстуках, с красными папочками. Папочки - суть. Вспомните Горбачева? Без папочки, как дама без сумочки, ни секунды: в папочке, уверял Иван Акулов, завещание на предательство Родины ему от тайных лидеров, разрешение на подлость...

"Иди и впредь

Не греш!"

Ивашла моя умерла. Убили ее налогами и геноцидом. Такие предатели, как дьявольский разрушитель Горбачев, Ельцин за Ивашлой добивает все живое. Не только соловья и кукушки - медведи онемели перед Гайдаром.

И теленка австрийского нет. Побеседовал бы, наставил бы меня на ум-разум, как наставил Ивана Ивановича Акулова, самого бесстрашного из писателей, близких мне, и, пожалуй, самого русского. Да и "Мерседес" с орденом - русским по боку: об истине скучают... Кроме Горбачева. Его наградили за комбайнерство еще в пионерах.

Из России Ельцине, как при Ленине, Сталине, Хрущеве, Брежнев, Андропове, Черненко, Горбачеве, воруют эшелонами, через чиновника - золото, серебро, медь, алмазы, свинец, уголь, пшеницу, лес, мясо, сахар, сливки, теплые: австрийский телок пьет, а мы? ас на митингах каскоголовые караулят. Мы в голодном плену у демофашистов.

Столкнулся я с жарообразным романистом у ЦДЛ:

- Застал жену?..

- За-за-астал, в п-постели на-а-крыл, п-подписку с нее и с него в-взяли!..

- Бригадой дружинников!.. Милицией?..

- С-со-седей по-д-нял! - тупо мигал "рогатый", - Косого, Глухого и Горбатого".

- А дальше?..

- Я-я ю-рист, а она п-партийная, выдерну на-а КПК!..

Но не суждено было выдернуть свою жену Миколу Фасонову на КПК, не суждено.

А что же - поэзия? Что же - позиция писателя? Считаю: лучше умереть, повторяю, лучше погибнуть под дубинками за отеческий край, за мамину молитву, за родную русскую речь, чем слышать из гундявой телебашни унижения и клички, населенные в русский народ. Да, лучше погибнуть. Это - и есть поэзия!

В 1993 году мне, коли доживу, исполнится 57 лет, а трудовой стаж мой будет равняться 40 годам, не считая детского труда в колхозе. Мне стыдно. Я бесправная лошадь, на мне ехали КПСС, ЦК, Политбюро, КПК, Соколов, а последним -обвершал Горбачев, как плут Чичиков, скакал в Европейский дом, к общечеловеческим ценностям, обагрив кровью меня и мою Родину.

Потому 3 сентября 1991 года я твердо написал в партбилете: "Генсек Горбачев доразложил, предал и уничтожил КПСС, а президент Горбачев доразложил, предал и уничтожил СССР!" И это -настоящая высокохудожественная поэзия...

Страшно. Генсеки ЦК КПСС и Предсовмины СССР, министры и академики на своих партсъездах в Кремлевском Дворце всерьез патриотично укрепляли с трибун вражескую мысль: "Повернем реки Сибири в советскую Азию!"... А зачем? Дотекут ли реки до советской Азии?.. Не дотекли ведь, расплескалась большевистская энергия вожakov по рывинам и ухабам предательской горбачевской перестройки.

Реки не удалось повернуть - Чернобыль взорвали. Атомной заразой попотчевали нас. Кто за реки ответил, за тот подлый проект? Никто. А кто за атомный взрыв реакторов ответил? Никто. Кто за развал СССР ответил? Кто за расстрел русского народа у Дома Советов ответил? Кто? И за гибель русских молоденьких ребятешек в Чечне никто не ответит. Даже за кастрирование синеглазых юных пленников у озверелых наемников

никто не ответит. Русский народ - не народ, а коли следовать за цинизмом антирусской прессы, русский народ - быдло!..

Разве Горбачев меньше Гитлера принес беды русскому народу? Почему же их, "беловежцев", не пустить под трибунал? Сионистская пресса над Лениным и Сталиным ореол воссиянула. Брежнева и Горбачева сионистская пресса в главные архитекторы планеты произвела. Сионистская пресса руководила СССР, она же и добивает теперь измененную Россию, уничтожив СССР и дружественные страны вокруг.

Господи, даже Сергей Ковалев ныне - гигант. За неделю на русской крови и на русских слезах перхотный человек возносится наглой прессой до звезд, до подобия космической фигуры. Из Олега Попцова, семяющего по телевизионным закоулкам, антирусская пресса нарисовала, состряпала политика, крупного деятеля... Возвеличенная бездарь - не чудо ли двадцатого века? С бездарями и дрался Борис Можаяев.

И литературный Ленин - не житейский Ленин. В литературного я верил и надеялся на него, а распознав житейского - отвык и от литературного, почти презирать начал. Обидно и стыдно...

Рыдайте, вьюги, над пропавшим хутором моим - Ивашлою. Гляди, гляди и леденей, луна, в мертвых просторах уральской ночи.

Завистники - Чингисхан и Батый, Наполеон и Гитлер, Рейган и Буш, Горбачев и Кравчук, Ельцин и Шушкевич. Лютые завистники - ненавистники, душители - сокрушители России, СССР. Зависть у президента клеймо на совести выжигает. Зависть скорпиону-неудачнику температуру и крови нагнетает... Кому - территорию оттяпать. Кому - на трон влезть. Кому - Пушкина извести.

В Новый 1995 год на экране шелушащиеся ваучеры заползали: политики, паралитики, артисты, аферисты, певцы, стервецы. Яковлев, Попцов, Эльдар Рязанов, Ковалев. Вылинялые ящеры хвостами стучаются. А перед ними - сексуальная курва. Разжалованному патриархом Глебу Якунину:

Хочешь меня, хочешь?..

Только не сегодня, только не сейчас!..

Задницей мухлюет, импотентов очаровывая. Дергаются туловищами Боннэр и Старовойтова, Раиса Максимовна и Панфилова. Как импотентом не сделаешься? Эх, ты, Россия Кутузова и Пушкина, Жукова и Есенина!

Мать моя, Богородица.

Заступница пресвятая,

В одеждах огненных,

С двенадцатью девами небесными

Шесть слева и шесть справа,

И все в одеждах заоблично-огненных,

Подними крест православный,

Защити невест русских,

Жен русских и сестер русских

От карликов кудлатых,

Бесов рогатых,

Зверей клыкатых!..

Сверкни, грозный крест русский, над ворогами и захватчиками, пронзи их, дьяволов
ощеренно-завистливых, русским светом звеняще-сияющим в просторах скифских! Аминь.

Искусство - народ. Поэзия - любовь и Родина. И "Слово о полку Игореве" - родник. Еще
повторю: мы, поэты, непременно обязаны "закрывать амбразуры", если гибнет русский
народ. Седой и горький, я завидую Матросову, завидую Есенину, завидую Бояну:

За землю Русскую,

За раны Игоревы!..

Топор интернационального ордынца отколол от империи Финляндию и Польшу, а у России только ли Порт-Артур, КВЖД и Крым?.. Где статистика?.. Отколол, а Горбачев, через острова в Беринговом море, опустил топор на герб СССР.

И у нас от СССР - у Большого театра цементная голова Карла Маркса маячит. Если раскрошить на ее плацу несколько буханок хлеба - слетятся голуби и начнут тесниться и клеваться. Доворковались?.. За крохами гоняемся.

А топор перехватил свежий предатель, ведь ни одного из них не было, кто бы не разорял Россию, ни одного! Русских за империю - судили, теперь за КПСС - допрашивают. А кто допрашивает? Картавые бесы. Хвосты под столом прячут и допрашивают, допрашивают. Не хватит ли? Не их ли остепеняет Клюев?

Слава нетленному чуду,

Перлам, украсившим свод.

Скоро к голодному люду

Пламенный вестник придет.

К зрячим нещадно суровый,

Милостив к падшим в ночи,

Горе кующим оковы,

Взявшим от царства ключи!..

Горе нам, подпавшим под иго, но горе и полонившим нас. Нас, русских литераторов, судили в день рождения Сергея Есенина, 3 октября 1978 года. И Дом Советов, Россию, начали расстреливать в день рождения Сергея Есенина, 3 октября 1993 года. Случайно ли? А за Есениным - русский народ. За Есениным - Христос.

* * *

В России великие поэты рождаются по вздоху судьбы народа, по зоркой воле Бога. И

Николай Алексеевич Некрасов, как Сергей Есенин, рожден по зову прошедших и грядущих поколений, по голосу русской жизни и русского горя:

Где вы — певцы любви, свободы, мира

И доблести?.. Век “крови и меча”!

На трон земли ты посадил банкира,

Провозгласил героем палача...

Ярославская земля. Русская холмистая равнина. Ярославль — город великий. Князь Ярослав Мудрый. Князь Александр Невский. Украинская, польская, русская — славянская родословная поэта. Река Волга — главная улица России. Если Александр Пушкин — наша русская поэтическая даль, то Николай Некрасов — наша русская поэтическая боль: к Пушкину идем, а есенинским сердцем Некрасова слышим:

Прочь, о, прочь! — сомненья роковые,

Как прийти могли вы на уста?

Верю, есть еще сердца живые,

Для кого поэзия свята.

Терпение и грусть. Терпение и тоска. Терпение и верность Отечеству, народу, русской доле. Сколько же топтали и утрамбовывали имя Некрасова разношерстные деятели, маститые и немаститые, умные и неумные, но по единому образцу воспитанные в ненависти к русскому духу, к русскому дому?

Не от некрасовского ли терпения и мои строки терпеливы?

Смотрю в глаза усталые жены

Или сестры страдающие очи...

И внуки наши, ой, поражены

Трагедией смыкающейся ночи.

Она легла от неба до земли

Над тысячами восходов и цветений,

Мы, русские, уже не проросли

Через бурьяны инородных теней.

Прищурюсь я, а сын — в крови моей,

А я—в крови отца, отец мой — деда,

Все это приползло из-за морей

С тобой, золотозобая победа!..

Но под великим сводом высоты,

Надеждою излечивая близких,

Мы, русские, оперлись на кресты

И выдвинули к звездам обелиски.

Так встанем же теперь, богатыри,

Раскинем взмахом тучи над собою,

Ты русскому о скорби говори,

Готовь его к терпению и к бою!

Вздох матери — земли отцовской горсть,

А кто не верит, для страны родимой

Не только — лишь чужой незванный гость,

Не только — лишь Иуда нелюдимый.

Да вспыхнет перед ними трын-трава,

Кого и впрямь не трогают до боли

Понятные и вечные слова:

Москва!..

Россия!..

Куликово поле!..

У Некрасова учился Есенин. У Некрасова и мы учимся:

О, Волга!.. колыбель моя!

Любил ли кто тебя, как я?

Разве это ослепленное самозабвение? Это неодолимая любовь, человеческое призвание, распахнутые глаза нации — и есть полководчество разума, власть все подчиняющей доброты, власть державного таланта.

Некрасов собиратель. Редактор. Политик. Гражданин. После-пушкинская классика девятнадцатого века вынянчена и выпестована работой Некрасова. После Некрасова не было у нас на Руси поэта с подобной государственной биографией: каждое великое литературное имя — через него, через него сверкало и сверкало в народ. Даже молодой Плеханов на похоронах Некрасова кричал Достоевскому, сурово требуя вместе со студентами означить уровень дарования Некрасова — выше уровня дарования Пушкина...

Вот уж захлёбно по-русски!.. Сойдись, двое русских начинают выяснять, кто качественнее генетически, а, сойдись, трое русских тут же начинают выяснять, кто из них гениальнее. А это — давняя братская могила наших русских свобод, чаяний и устремлений:

Ты и убогая, ты и бессильная,

Ты и могучая, ты и обильная,

Матушка-Русь!..

Сегодня бранят русский народ, бранят Россию, натравливают на русских и на Россию другие народы и страны. Но стреляет в Чечне не русский народ, не Россия и не ее народы. Стреляют мафии руками несчастных, мафии и кланы обвязывают их жгутами законов.

За Горбачевым на Россию кровавая муть опустилась.

Вполз в столицу ваучер с Кавказа,

А потом забрался в президенты.

Потекла вокруг него зараза,

Зажужжали мухи-диссиденты.

Ваучер о перестройке вести

Нес в орду грабежного набега,

Ну а Буш его по морде съездил:

“Замолчи, ставропольский Норьега!..”

И покуда шлепал он губами,

С пленума до шулерского бала,

Ваучериха,

в грызне с рабами,

Ластами алмазы выгребала.

Стачивались зубы от усердья.

Над Кремлем якутский ветер гикал.

У Арбата, в Фонде милосердя,

Хромоногий ваучер хихикал.

Мы зверей не скоро переселим:

В Белом доме ваучер напился,

Съел последний крендель у России

И, урча, за рельсы зацепился.

Но не лег, хоть водочная смута

До луны нагромоздила шпалы...

В кабинетах, разных почему-то,

Были одинаково шакалы.

Память ударяла в колокольца:

“Драка с ваучером!..”

“Лоб пятнистый!..”

То свивался на асфальте в кольца,

То взмывал стрелю серебряной,

Даже на мосту не удержался,

Прыгнул вниз, и ловкости хватило,

Под волной с чудовищем сражался,

Гнал по трезвой суше крокодила.

А в душе терзанья не померкли:

Сколько присосалось паразитов?

Ваучеры ваучера свергли.

Родина сошла с колес транзитов.

И теперь село в село стреляет,

Город рвется в город с любовью.

Ваучер хвостом не управляет,

До Бишкека брызжет грязной кровью.

Ваучер могилы продал наши,

Обелиски, —

боль земного шара,

И детей русоволосых мажет

Пеплом азиатского пожара.

Потому и в мире климат грустный.

Не питайте радостных идиллий.

Ваучер, бесспорно, самый гнусный

Изо всех известных нам рептилий!..

Ползли, ехали, двигались, маршировали, скакали и катились на русский народ и на Россию варвары. Из русской памяти Чингисхан еще не выветрился, а Гитлер в памяти

русской не обернулся голубем сизым. Ни Бжезинский, ни Киссинджер нами не запамätованы.

В двадцатом веке традиция некрасовской верности не прервалась в русской поэзии, а усилилась. Александр Блок и Андрей Белый, Владимир Маяковский и Сергей Есенин, Александр Твардовский и Владимир Луговской, Виктор Боков и Василий Федоров, Николай Тряпкин и Сергей Викулов, Виктор Кочетков и Федор Сухов, Станислав Куняев и Николай Рубцов, Егор Исаев и Виктор Коротаев, Иван Савельев и Станислав Золотцев. А уничтоженные — Павел Васильев и Борис Корнилов? А Дмитрий Кедрин и Алексей Недогонов? А Павел Шубин, Алексей Гранин, Петр Комаров?.. А Михаил Исаковский, Александр Прокофьев, Борис Ручьев?

В Москве — тоска тяжелее. А под Москвой — русская земля сиротливее. Выйду я из своей трухлявой избы, под Сергиевым. Посадам, в зимнее поле — снег, снег. Избы, избы...

Вновь я приник душой

К тропке, неторной, узкой,

Снег-то какой большой

Лег на равнине русской.

Избы стоят, пусты,

А посреди селений

Холмики и кресты

Выбитых поколений.

Лозунгов нам и гроз

Вдоволь ссудил диктатор.

Ныне — гнетет колхоз,

Завтра — кооператор.

Запад опережать

Все еще не устали,

Только детей рожать

Женщины перестали.

Видите, гарь летит

В бездну поземкой рваной,

Это — в Москве бандит

Мчится, прикрыт охраной.

Мчится клейменный вор

В сваре страстей недремных,

Мчится, на петли скор,

От преступлений темных.

“ЗИЛов” шальных дымы

Вытянулись хвостами,

Чтобы скорей и мы

Сгнули под крестами.

И за бедой напасть

Двигается бесконечно,

Мало — его проклясть,

Мало — и помнить вечно!..

Некрасов над безвинно погибшим рыдал, как мы рыдаем, а над помятомордым палачом, как мы, Некрасов поднимал проклятие поэта. Нам ли по-сыновьи не завидовать Некрасову? Нам ли не завидовать неподкупной смелости Есенина?

Русские поэты — эхо. Заболит, заночует душа поэта — криком слово у него к народу родному запросится. Запросится — эхом возвестится, эхом пролетит от края до края России. Сейчас закрывают русские газеты и журналы, закрывают — ценою на бумагу, судами над редакторами, даже убивают тех патриотов, кто эхом тоски, эхом боли своей стучится к нам и стучится.

Сколько мы дорогих сыновей похоронили?

О, Муза! я у двери гроба!

Пускай я много виноват,

Пусть увеличит во сто крат

Мои вины людская злоба —

Не плачь! завиден жребий наш,

Не надругаются над нами:

Меж мной и честными сердцами

Порваться долго ты не дашь

Живому, кровному союзу!

Не русский — взглянет без любви

На эту бледную, в крови,

Кнутом иссеченную Музу...

Не беги стыдливо от прошлого. Не замуривайся робко перед настоящим.

* * *

В русское православие, в русскую философию, в русский быт, в русские края вторгается наглее и наглее, повелительнее и повелительнее “мировое пространство”, мировая масонско-сионистская мафия, планетарный “культурный” ракет... Русская обитель под оптическим прицелом масонско-сионистских тузов.

Религии мира наворачиваются на “колодезный ворот” мировыми воротилами, а пойло, приправленное их космополитическим чесноком, искусно предлагается изнуренным жаждою и растлением голям.

Столпы, апостолы, наместники Бога изменяют заповедям и молитвам, отрекаются от нареченного храма и вечного Христа. И я не потрясен сыскными трофеями “Мещанской газеты”, выпущенной в Симферополе 4 июня 1994 года, номер 41:

“Наш нью-йоркский корреспондент со ссылкой на достоверные источники сообщает, что в синагоге Пентагона состоялся тайный обряд обрезания папы римского. В связи с секретностью церемонии на ней присутствовало только минимально допустимое, по иудаистским канонам, число лиц мужского пола — так называемый “миньян” или кворум.

Вот полный список участников мероприятия: верховный раввин США Шиндлер, Генри Киссинджер, Александр Яковлев, Говард Фаст, Майкл Дуглас, Симон Визенталь, Грегори Пек, Эли Визель, Бруно Крайский и Георгий Арбатов.

Процедуру осуществлял сам раввин Шиндлер. Обнаженного папу римского на коленях держал Генри Киссинджер. Шиндлер подал римскому первосвященнику бокал красного вина с примесью крови христианских младенцев. Когда папа римский блаженно заснул, Шиндлер оттянул крайнюю плоть и отрезал хирургическим скальпелем, продезинфицировав рану спиртом.

Рана между тем продолжала кровоточить. Тогда Георгий Арбатов, склонившись перед спящим папой на колени, стал зализывать рану. Минут через пятнадцать кровотечение прекратилось. Все присутствующие выпили по бокалу красного вина. Обрезанный папа римский продолжал спать.

Те же достоверные источники сообщили корреспонденту, что спустя месяц в городе Чарльстон, в главном масонском храме всего мира папа римский совершил черную мессу перед алтарем сатаны. В Чарльстон он был доставлен в обстановке глубочайшей секретности на борту самолета американских ВВС. На черную мессу в Чарльстон прибыли все члены американского правительства, ведущие сенаторы и конгрессмены, а также виднейшие масоны всего мира. Среди них — Лех Валенса, Вилли Брандт, Андрей Синявский, Генрих Белль, Эжен Ионеско и другие.

Кульминационным пунктом мессы явилось низложение римским первосвященником своей папской тиары к подножию статуи Люцифера, на три ступеньки ниже костей и черепа гроссмейстера тамплиеров Якоба де Молз. На обнаженную голову папы раввин Шиндлер сразу же надел ермолку. Затем папа на коленях подполз к черепу Молэ и трижды поцеловал его.

Черная месса явилась заключительным актом официального подтверждения главой римской католической церкви ее безоговорочного подчинения престолу Великого Архитектора Вселенной, то есть Люциферу — Сатане”.

В Тель-Авиве надели на лобное пятно Горбачеву, архитектору перестройки, ермолку. А ползал он, вчерашний Генеральный секретарь ЦК КПСС, перед статуей Люцифера или не ползал, — демократический экран не показал... А ведь ползал, ползал?.. И не обрезали?!..

Гитлер, Гиммлер, Геринг, Геббельс за мучения немецкого народа и народов СССР, народов Европы — осуждены. Осудят ли Горбачева, Яковлева, Шеварднадзе, Ельцина, Кравчука, Шушкевича за истязания над великой державой, разворованной и растасканной ими? Осудят ли их, членов ЦК КПСС, членов Политбюро ЦК КПСС, внуков и правнуков запломбированных в вагонах ленинцев и вытолкнутых к нам из Берлина?

Гитлер и папа римский — малютки перед ними... Фашизм — не “красно-коричневый фашизм”, а их фашизм, масонско-сионистский, их, их, выблядково-упырий, со статуей Люцифера в телецентре... Народный суд приговорил к вечному проклятию и позору Люцифера, но даже пятно на его алюминиевом лбу не покраснело.

Отец мой, Сорокин Василий Александрович, в Челябинске лежит, в каменной уральской могиле. А друг мой, Иван Иванович Акулов, здесь, на Радонежье, зарыт — снег над ним вьется, вьется и белыми вспышками в полночь уносится. Троице-Сергиева лавра куполами горит.

Четырнадцать комиссий, включая КРУ — и ни рубля растраты в издательстве, и никаких улик, но суд над ними цекисты организовали. Арвидт Янович Пельше, седенький, колючий, ежик и ежик, постукивающий лапками по роскошно-громадному столу, а за столом — упитанные, блинно-балычные хари, мужчины и женщины, яростью классовой щепетильности накачанные.

Пельше:

— Мирнев, парторг, становись к стенке!..

Хари:

— Расстрелять их!..

— Расстрелять их!..

— Писсааки!..

Возникает перепалка, потасовка устная: стоянка такси или очередь за минтаем?.. Допрашивают. Философствуют. Измываются. Оскорбляют — кому как взбредет.

Арвидт Янович:

— Прокушев, директор, становись к стенке!..

Хари:

— К стенке его!..

— К стенке, писсааку, есенинца, к стенке!..

Прокушев докладывает. Хари следят за Арвидтом Яновичем. Арвидт Янович завозился, завозился и помиловиднел — хари завозились, завозились и помиловиднели.

Пельше:

— Строгий выговор им!.. Занести в учетную карточку!..

Хари:

— Писсааки!.. Не Толстые!.. Не Шолоховы!.. Вон их!.. Вон их!..

Арвид Янович:

— Сорокин, главный редактор, становись к стенке!..

И дернулся ежик в кресле, и по роскошно-громадному столу мелко, мелко лапками заморзил, взвизгивая, как шестнадцатилетняя чувственная купальщица:

— Не задавайте ему вопросов!.. Не задавайте ему вопросов!..

Хари:

— Ассарокин, бельгийский шпион!..

Я, конечно, шпион. И шпион не бельгийский, разумеется, а русский — покорный, покорный, добрый, добрый, но... И заплескалась кровь русская моя!.. Сейчас я, сейчас я взорвусь и назову их достойными именами, и награжу их достойными эпитетами, сейчас!..

Но Пельше:

— Сорокин, садись, выговор тебе с занесением!.. С работы тебя не снимем!.. Набирайся опыта!..

Старуха подкатилась, таратаистая и провонявшая убойными сигарами, гаванскими, интернациональными, кукиш мне:

— Шпиен, не промахнулась бы, между бровей всадила бы тебе, и-и-и!.. — Старуха вздулась и впала в идиотскую марксистскую медитацию.

Потом я узнал: судили нас амнистированные Хрущевым ленинцы. Иосиф Виссарионович Сталин кого из Совмина, кого из ЦК, кого из золото-алмаз-нефтетреста за воровство, блуд, предательство и прочие достижения в строительстве социалистической

экономики упрятал за решетку, а демократичный Никита в судьи их произвел.

Жулики и блатяги, изменники и спекулянты, прохвосты и разложенцы, сграбастанные императором всея Руси за воротник, но реабилитированные похмельным балбесом, наслаждались — оплевывали и уничтожали нас. А в Челябинске — директора школы рабочей молодежи, татарина благородного, выдавшего мне аттестат зрелости, по залу три раза — туда и обратно, туда и обратно! — провели на специальной областной учительской конференции. Тоже — бельгийский шпион, наймит...

Закрою глаза и слышу: “Телеграмма от члена ЦК КПСС, Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета СССР, члена Президиума Академии наук СССР, лауреата Ленинской, Нобелевской, Государственной премий, члена КПСС с тысяча девятьсот...”

Телеграмма Брежневу. Телеграмма Косыгину. Телеграмма Польше. Телеграмма Тяжелникову. Телеграмма Соколову. Телеграмма коллективу КПК — благодарность за судилище. Боже мой, Боже!..

Но был еще один член ЦК КПСС, лауреат, депутат, соцгерой, как иные сегодня пишут, — “обюрократившийся писатель”, и дочь у него была, Оля, ни разу меня не видевшая, а, говорят, вошла к отцу: “Пап, ну, помоги Валентину Сорокину, помоги, ведь сапоги о его русскую душу вытирают, помоги!..”

И встретил меня, избитого, опозоренного, Георгий Мокеич Марков в Колонном зале Дома Союзов:

— Валентин, пока я не оправдаю тебя, не восстановлю твой авторитет, я спать спокойно не буду!.. — Такие слова мне тогда — слова моего отца, слова — свет...

Мирнев и Прокушев на следующий день, после суда, не вышли на работу в “Современник”, возмущенные. А я вел издательство еще почти два года, пока меня не “перевели на другую работу”... Уволить не решились — за что увольнять?

Да, был еще один член ЦК КПСС, лауреат, депутат, и была мне на Колыму, где ездил я по командировке, была мне от него телеграмма через обком — правительственная: “Немедленно возвращайтесь домой...” Утверждая меня руководителем Высших литературных курсов при Союзе писателей СССР, Георгий Мокеич Марков на секретариате произнес:

— Соглашайся, Валентин, отдохнешь и меня добром помянешь!..

Николай Иванов отчитывает меня:

- Шолохов, поверь, ни одной телеграммы, ни одной не отбил!..

- А кто же?..

- Кто, кто?.. Никто... Ни одной... Ясно?.. Ты мог бы Машу полюбить?..

- Мог...

- Что помешало?..

- Не смог, Михаил Александрович русской, русский человек!..

- Она хорошая?..

- Хорошая...

Давно я убедился: нет плохих людей, а есть мы, глупые и скверные, порою желаем того, чего и желать-то нам вредно!.. И сидел я как-то возле дома своего на скамеечке в сквере. Тополя надо мною скромно шелестели, ободранные пробками пивных и водочных бутылок. Сидел я, растерзанный думами скорбными.

Сосед подошел, Саша Карелин, заведующий критикой в “Современнике”, помялся, помялся и присел рядышком:

— Василич, черт с ней, с Онассис, пусть царствует в твоей квартире, пусть Польшу под охраной возят, зато голова твоя уцелела!.. Василич, моего деда, священника, в семнадцатом году схватили в Питере, ссекли голову и на веревке детям в окно опустили, представляете?

— Саша, для Онассис несколько квартир соединили, а хозяев и скарб их на асфальт вышвырнули!..

— Слава Богу, Василич, на асфальт, а могли и на рынке загнать?

Худенький, незлобивый, ироничный, Саша вился вокруг, пытаюсь рассредоточить меня на чем-то, искал чего-то. А меня вышибла из расслабленности срубленная голова священника, дедушки Сашиного. Я лихорадочно соображал: “Кого же не казнили на Руси? Крестьян — казнили. Инженеров — казнили. Ученых — казнили. Военных — казнили. И священников — казнили. Есть ли народ несчастнее русского народа?..”

Россия родная, мы, поэты твои, убитые на дуэлях, расстрелянные в каменных подвалах Бутырок, Лубянок, Соловков и Певеков, не плачем, не жалуемся, а, шевеля обугленными крестами, с распятий сходим. Да, сходим с кровавых распятий и говорим:

“Очнется Россия! Умоется горем русских Россия! Скоро, скоро стряхнет вас, лопающихся вампиров, с груди своей!.. Родина наша милая, холмы твои стонать перестанут, а тополя твои дотянутся до звезд!..”

Сны мне снятся. Станные сны. Будто я на том свете. На том свете, а иду я по Якутии. Вечная мерзлота под лишайником оленьим. И попадается мне в мареве знойном изящная Кристина Онассис:

— Я, я взбаламутила лидеров-то советских, богатством своим капиталистическим их разжадила. Они и принялись хапать. Гляди, гляди, поэт русский, коммунизм ваш замусоривается, а лидеры ваши чернеют!..

Гляжу, а над озером, над волною, нагишом, Борис Николаевич Ельцин пудовый алмаз держит. Покачивается на буруне и держит. Горел, горел алмаз, искрился, искрился и превратился в черный булыжник, и оба застыли... Далее гляжу, а над волною бачок с нефтью кубыркает Виктор Степанович Черномырдин. Кубыркал, голый, кубыркал, а бежащая нефть возьми и струисто закаменей, и оба застыли...

Кристина Онассис русалкой ухитряется, лапами их за ушами щекочет, а они чернеют и оледовываются. Олени лишайником похрустывают. Эвены и коряки на лодках по озеру за бурбу-лисами гоняются, из тины их выковыривают, а они, Шахраи гайдаристые, тоже, значит, подражают лидерам, каменья и каменья, и, как угри астраханские, скользят и скользят по алмазным донным камням. Скользят, а там, на алмазном дне, истукан окаменелый:

— Уевропа по Урал! Уевропа по Урал!..

Далее гляжу я, а наперерез мне Юрий Адрианов и Геннадий Суздаев, настроенные на широкий шаг Иваном Ивановичем Акуловым, и у всех — по синтетическому канату. Канат — не канат, петля — не петля, веревка — не веревка, но витье прочное и длинное.

— Куда вы?..

— Воду морщить!..

— Чертей корщить!..

— Угрей топорщить!..

Иван Иванович Акулов праздничный, в белом костюме. Адрианов и Суздаев одеты в комбинезоны прорезиновые, от нефти защищаются. Но все трое воду морщить, чертей корщить, угрей топорщить идут...

Две могилы, а между ними — революции, расстрелы, тюрьмы, войны и грабежи: русская гибель!.. А Маша — симпатичная. И Шолохов — бессмертен. Маша общительная и приятная. Одевалась — вкус присутствовал, но не в наше балахонно-аляповатое тряпье одевалась Мария, а в соцзарубежные платья и кофточки, перстеньками посверкивая. Она — обычная патриотка. Кто меня разубедит?

Россию обожала. И я читал ей и Николаю Иванову, писателю-побратиму, монолог Сергея Радонежского из поэмы “Дмитрий Донской”, опубликованной в 12-м номере журнала “Наш современник” за 1977 год:

Благословляю, ты иди,

Вперед, а не назад гляди,

Иди, Мамаю победи;

С тобой сам Бог,

С тобой народ,

Да не иссякнет русский род!

Не время ждать, не время тешить

Себя враждой,

Нас будут вешать,

Нас будут жечь,

Нас будут сечь,

Себя сберечь — нас не сберечь!

Патриотический шум в Москве, вызванный поэмой, навлек на меня кремлевскую глыбу недовольств Зимянина и ЦК КПСС. Артиста Вячеслава Кузнецова, исполнившего

отрывок из поэмы в Манеже на выставке картин Ильи Глазунова, арестовали.

И писатель Николай Иванов оплошал. Послал поэму Шолохову с упреком: “Топить-то Сорокина топите, но и меру знать бы Вам пора!..” Михаил Александрович рассвирепел и традиционно телеграфировал большевистское возмущение председателю Комитета партийного контроля Польше Арвидту Яновичу. Кошмар.

Мы, русские, — самый разъединенный народ на земле. Революция разбрасывала нас и уничтожала по миру, войны разбрасывали нас и уничтожали по миру, и все на нашей земле они — новые русские, отпрыски новых русских, высунутых в Россию в запломбированных тех вагонах... Сплоченные: возле и вокруг президента России — новые русские, бородатенькие, недобритенькие, и над буквой “эр” насмешливо балуются — хотят выговорить, а не получается.

Банки и конторы захватили новые русские, а радио и телевидение новые русские в еврейский кагал превратили. Надо — фашистов среди нас, лопающих русских, найдут. Надо — израильский премьер замелькает по новорусскому экрану гораздо чаще, чем премьер России. Новые русские президента России включают и выключают по их потребности, как включают и выключают утюг или электросамовар...

Новый русский — Бурбулис. Новый русский — Гайдар. Где они, куда провалились? Не за Домом ли Советов, на кладбище расстрелянных патриотов, замешкались. Новый русский — Явлинский. На совести, если новых русских поскрести, — омовские карательные операции, смерть безвинных русских, потомков Пушкина и Кутузова, поскрести новых русских, да совести-то в них нет. Скреби не скреби — кроме очередного псевдонима и запасного паспорта ничего не наскребешь, ну, доллары, ну, золото, ну, якутские алмазы, а больше — ничего...

Мы, русские, имеем право на сопротивление, имеем право даже на партизанскую войну, освободительную войну, война -за родимый порог, война — за малолетнюю сестренку, продаваемую новыми русскими Западу, война — за несмышленного братишку, одуряемого анашой и марихуаной, отравой, приспособленной новыми русскими убивать русских, нас, отрянувших иго Золотой Орды, но не сумевших пока раздавить дедовским теплым валенком столичный клоповник новых русских, кусающих нас, жалящих нас, заражающих нас.

Хутор мой — Ивашлу новые русские стерли с лица земли, новые русские обозвали наши русские хутора и деревни неперспективными, доказали свою новаторскую мысль и доразграбили русские вековые селения. Тихоновы, Явлинские, Абалкины, Гайдары, Арбатовы — новейшие, наираспреновейшие русские, куда нам, Иванам, не помнящим родства, за ними гнаться?

У них Америка, Запад, Израиль. У них — русские министры, премьеры, президенты. У них — газеты, радио, телевидение. У них — он, Горбачев, у них — он, Ельцин. Оба... За что же мы воюем в Чечне? За что же воюют чеченцы? Кто нами воюет? Новые русские, да, новые русские воюют нами и чеченцами, защищая банк — в Техасе, виллу — в Венеции, изумруды — в Тель-Авиве. Спросите Гайдара — подтвердит...

Мы палестинцы. Русских раскидали по земному шару. Но мы, русские, слабее палестинцев. Палестинцы — храбрее и единительнее, они заставили новых русских считаться с собою, заставили новых русских согласиться на создание государства палестинского, а у нас, действительно русских, есть ли русское государство, есть ли русская Россия? Россия — у Гайдара, Россия — у Явлинского, Россия у авторов 500 дней уморения русских. У них Россия! У Бунича и Заславской.

Мусульмане и русские никогда не ввязывались в религиозные и этнические войны, никогда. Запад испепелял нас. Запад русских и мусульман выжигал свинцом и напалмом. Америка и Запад стравили нас, русских и мусульман, столкнули на пользу себе. Из мусульман и русских Америка и Запад соорудили между Китаем и своими коттеджами “прокладку”, постоянную армию, грядущее пушечное блюдо, да еще и между нами, русскими и мусульманами, порох вражды подожгли — Китаю око застит, а Западу и Америке — жиреть.

Синие дали Поволжья. Синие горы Урала. Синие реки Сибири. Как нам уберечь наследственные пространства? Как нам избавиться от изменников и предателей России, новых и новейших русских?

Россия моя синеглазая, сыновья твои русоволосые, неужели — конец?

Каганат ваучеров. Надвинь каски — омовские морды. Буши, рейганы, Клинтонь. А землячок Некрасова, Александр Николаевич Яковлев, русский иноземец, в “Аргументах и фактах” 10 марта 1995 года ликует: “Вчера, например, я дал поручение — чтобы не позднее чем через неделю появился “Круглый стол”: по фашизму. Сейчас готовят. Я же говорю вам, только такие прямые указания выполняются”.

Чего нам ожидать? Яковлев и Попцов спровоцировали расстрел гоев на площади Останкино, на Смоленской площади и на площади Свободы. Трусят? Запятнанным русской кровью — “русский фашизм” рисуется?.. А чего делать в Израиле Гайдару и Шумейко? И почему в Израиле еще не погостили Черномырдин и Ельцин?

У Александра Руцкого мать еврейка, и он, в Израиле побывав, честно принялся выволять русский народ из-под масонско-сионистского ига... Герой. Выволил же нас Дмитрий Донской из-под ига Золотой Орды. А из-под ига Хазарского каганата выволят нас Яковлев, Гайдар, Шумейко и Попцов. Не “обрезанные” же они?

Коммунара Каширина, царского офицера, коммунарский рабочий класс России победили еврейско-русские хриstopродавцы — Горбачев и в Израиле не отрицал сей кровавой драмы. Победили. И мать мою, беременную, спасенную от расстрела Кашириным, они, русско-еврейские хриstopродавцы, расстреляли на трех площадях сразу.

Мать моя — Россия, светом беременная, из обморока поднялась, пулей омовской раненная, качается — у метро в Москве руку протянула: сытые мордovorоты помощь ей обещают, а сытый американский доллар не разрешает им. Мордастее омовца на Красной площади встал доллар американский — Боб. Хохочет и сморкается в нашу кровь, сытый дьявол, чешуйчатый ваучер, заплывший к нам из-за океана.

Две могилы. А над ними — мать моя. Светом красным озарена — седая и гневная. Седая и мудрая. Седая и неодолимая. Знайте, победа ваша — временная победа, хриstopродавцы, муторные и кровавые! Сергей Радонежский молится за вас, а Дмитрий Донской мечом вас крестит...

Патриотизм однообразным не бывает... Мой патриотизм — незрелый. Мой патриотизм и до расправы КПК надо мною сжигал меня, глупого. Я физически, сердцем, как Иван

Акулов, ощущал, сдерживал надвигающуюся на Россию катастрофу. Сдерживал — и первым попал под kloкочущую безвинную кровь нашу.

Патриотизм ли это? Не патриотизм. Доля русская — это. Вера русская — это. Русское ратное слово — это. Есенин — это. Родниковый миф русской речи — это.

Но мы не сберегли нас... И не сберегли СССР. А Россию мы уже не сберегли... И 50 лет русской Победы они, они празднуют.

Так здравствуй, вещий князь Донской,

Сын прозорливого Ивана,

От нечестивого

Тумана

Убереги ты род людской!

Свой христианский русский род,—

Владимир,

Киев

и Коломну,

Идет Мамай ордою темной,

Идет и жутко скалит рот!

Ну, каким же, каким же должен быть русский поэт?!

1991-1995